

Татьяна Зверинцева

Печень Прометея

Глава 1

Я родился в день развала страны в Красной Могиле, а моим восприемником был жрец мертвых... Звучит красиво, не правда ли? Можно с одинаковым успехом завлекать хоть готичных девочек, хоть эзотерических бабушек... Но на самом деле все было проще и прозаичнее. Или, может быть, мне так кажется, потому что я к этому привык? Не знаю. О таких вещах трудно судить объективно.

В общем, мои родители до последнего были уверены, что молодая семья, счастливо просуществовавшая пять с половиной лет, породит долгожданного наследника на родине отца, Украине. Но в последний момент молодые поссорились с дедушкой и бабушкой, а поскольку те имели большое влияние на жизнь маленького городка, оставаться на насиженном месте не представлялось возможным. В холодную декабрьскую ночь родители сели в поезд на Москву.

29 декабря 1991 года, когда Советский Союз официально прекратил свое существование, пассажирам как минимум одного вагона этого поезда пришлось столкнуться с более впечатляющим событием. Так бывает всегда: близкое затмевает далекое... Хотя – даже в объективном смысле не является ли зарождение одной-единственной личности событием, равноценным гибели государства?

В общем, в районе станции Красная Могила, названной так в честь захоронения красноармейцев, моя мать начала рожать. Точнее, эту станцию впоследствии записали в документы, потому что надо же было как-то заполнить графу «место рождения»? А на практике до станции было далеко. Роды же оказались стремительными, я почему-то очень торопился увидеть эту негостеприимную землю... Поэтому роль акушера пришлось взять на себя единственному медику, который нашелся в поезде. Так уж получилось, что это был патологоанатом.

Он неплохо справился со своим делом, и расчувствовавшийся отец даже хотел назвать меня в его честь, Афанасием. Но мать резко возразила. Ее и так смущала эта ситуация, она была довольно-таки суеверной женщиной. Ну и, конечно же, устаревший-деревенский оттенок имени сыграл свою роль... В общем, меня назвали Михаилом. Без какой-либо особой подоплеки. Из-за идеи с Афанасием родители поссорились (кстати, впервые за всю совместную жизнь), и им стало не до меня, а имя выбирать пришлось...

В Москве мы поселились у бабушки по матери, интеллигентной московской вдовы. Она оттеняла седину синькой и кидала на мать взгляды, в которых ясно читалось: «Я же говорила тебе не связываться с этим неотесанным хохлом». Папа замутил какой-то мелкий бизнес, потом ушел в бандиты, а через три года его могила пополнила собой ряд однотипных глыб с портретами молодых крепких парней и датой «-199...».

Мать несколько лет проработала учительницей, а потом в безрадостную жизнь нашего семейства наконец-то ворвалась любовь... Большая, красивая, светлая. Сначала мать навещала нас с бабушкой раз в неделю, потом раз в месяц, а потом и вовсе перестала появляться. Ну, зато в школе (на тот момент я учился во втором классе) меня перестали называть «училкиным сыном».

Миллениум мы с бабушкой встречали вдвоем. Я угрюмо сидел возле старого советского телевизора и мужественно боролся со сном. Однако бабушка была уверена, что я не должен

пропустить исторический момент... Состояние мое было близким к шоку. Я вспоминал прошлые новые года, в которых все-таки присутствовала какая-то радость и волшебство. Мы с матерью наряжали елку, ставили под нее пенопластового Деда Мороза со Снегуркой, потом мать с бабушкой открывали шампанское, дарили мне какую-нибудь игрушку – сразу на новый год и день рождения... Возможность не спать до полуночи казалась чудесным приключением, а теперь превратилась в тягостную обязанность. Я потихоньку начинал понимать, что новый год – это хорошо, а Миллениум – это страшно... И необратимо.

Впрочем, когда Ельцин по телевизору произнес свое бессмертное «Я устал, я ухожу», бабушка про меня забыла. Она всполошилась, начала обзванивать родственников и подруг... И я потихоньку уснул в кресле...

Проснулся я в постели, переодетым в пижаму. Помню, что мне стало очень стыдно: я ведь был уже большим мальчиком, а большие мальчики не перемещаются в постельку у бабушки на ручках.

Кажется, весь последующий год я мстил себе за этот инцидент, стараясь вести себя как можно более независимо. Через год инцидент забылся, но линия поведения была уже определена... Бабушка и учителя закономерно пришли к выводу, что потеря последнего из родителей превратила меня в законченного беспризорника и хулигана. Бабушка демонстративно жаловалась по телефону, что «она со мной не справляется», что «я пошел в отца», и даже что она «понимает, хотя и не прощает Любу» (в смысле, мою мать). Первые две фразы меня радовали, а третья пронзала сердце насквозь. В конце концов я взял и разбил телефон, а потом еще долго топтал его ногами. Бабушка выпила горсть таблеток и заперлась в своей комнате.

На тот момент мне было уже почти 12 лет. И почему-то именно тогда украинские дед и бабка в первый и последний раз вспомнили про меня. Скорее всего, просто потому, что по делам приехали в Москву и решили разом разобраться со всеми заботами, которые теоретически могли возникнуть в этом городе. Они долго пытались дозвониться на наш покойный домашний телефон, потом откопали где-то номер соседей...

В общем, 29 декабря 2003 года они заявили к нам в гости и подарили мне на день рождения компьютер. Я уже кое-что понимал в этом, потому что в школе начались уроки информатики. Но особых надежд я не питал: я был уверен, что сразу после отъезда гостей бабка продаст компьютер, купит телефон, а сдачу запрет в своей заветной шкатулке. Поэтому я очень удивился, когда этого не случилось. Думаю, тому было две причины.

Во-первых, бабка полагала, будто компьютер – вещь, предназначенная для учебы, чтения и вбивания непонятных цифр в аккуратные столбцы. В общем, весьма интеллигентный предмет обстановки. Она понадеялась, что я осяду за монитором, начну носить очки и постепенно превращусь в эдакого безобидного Шурика из «операции Ы».

Во-вторых, как раз в ту пору в бабушкиной жизни произошел перелом... Она по уши воцерковилась. Психика старушки не выдержала напора событий, произошедших за одно десятилетие в семейной и государственной плоскости.

Болтовня по телефону теперь считалась грехом, поэтому вопрос с аппаратом решился сам собой. К телефонной розетке отныне и впредь был подключен только модем. Зато бабка начала беседовать ни то сама с собою, ни то с голосами в своей голове (я не знаю, насколько далеко зашла болезнь). Формально это называлось «молитвами», а на практике основной целевой аудиторией этого шоу являлся ваш покорный слуга.

Вот тут-то я узнал и про Красную Могилу, и про патологоанатома, и даже про свою причастность к смерти отца (в воспаленном бабкином сознании мы как бы поменялись местами: раньше он был главным виновником моей «неправильности», а теперь я стал виновником его

несчастливой судьбы). И даже про имя Афанасий бабка рассказала... Это немало меня удивило: дело в том, что в чатах я с самого начала называл себя «Афоней». Но я-то имел в виду домовенка.

В 15 лет, осознав себя сатанистом, я сократил последнюю букву: это показалось мне более солидным. Правда, возникла досадная ассоциация с библейской горой... Но на тот момент я уже мало думал о христианстве. Я изучил эту религию в 13-14 лет, поначалу искренне пытаюсь понять бабку... Но очень быстро я пришел к выводу, что антирелигиозная литература в разы разумнее и интереснее. А там дошло и до «Сатанинской Библии» ЛаВея.

Все встало на свои места! До тех пор я ощущал известное беспокойство, чувствуя противоречие между своим хулиганским прошлым и интеллектуальными запросами, которые все ширились. Я хотел познавать мир, читать книги, мыслить и понимать – но мне совсем не хотелось превращаться в очкастого бесхарактерного Шурика. А тут оказалось, что это вовсе необязательно, и можно быть интеллектуальным – но не интеллигентным. Противоречие оказалось иллюзией, своего рода ментальной ловушкой, не позволяющей соединять два смертельно опасных ингредиента, ум и силу, в одном теле.

Глава 2

Имя Афон я ассоциировал прежде всего с гигантом из греческой мифологии. Там многое понапутано... По одной версии, гигант хотел убить Посейдона; по другой версии, Посейдон убил гиганта; по третьей версии, Посейдон был его отцом... Как мальчишка-безотцовщина, я склонялся к третьему варианту.

Когда в 18 лет меня забрали в армию, я хотел попасть на флот. Но у меня ничего не получилось... Во-первых, к тому моменту срочную службу сократили до одного года, а правозащитники стали интересоваться призывниками больше, чем офицеры. К срочникам окончательно перестали относиться серьезно. Во-вторых, как я потом узнал, бабка каким-то образом подсуетилась насчет «бедного сиротинушки». И наконец, я внезапно осознал, что не очень-то хорошо умею общаться с людьми и добиваться нужного мне направления событий.

Проведя год в некоем подобии пионерлагеря с военным уклоном, я вернулся домой. По протекции старшего друга, недавно окончившего мед, я устроился охранником в больницу. И одновременно поступил на заочное отделение психфака одного из заштатных вузов. Я логично рассудил, что именно там смогу научиться общению и манипуляциям.

Бабка к тому времени сошла с ума окончательно. Каждую минуту, проведенную дома, я выслушивал монологи о своей демонической сути. Не могу сказать, что мне это не нравилось, но обрызгивание святой водой было уже явно излишним. Один мой впечатлительный приятель (тоже однажды попавший под «душ» у меня в гостях) сравнивал это со «спермой авраамического бога». Моя фантазия до таких высот не доходила (иначе бабка прожила бы на год меньше, а я бы сел), но чисто физически было неприятно.

Наконец один из санитаров морга помог мне наложить эффективное проклятие, и через месяц бабку хватил инсульт. Не исключаю, что если бы в тот момент я вызвал скорую помощь, я получил бы на руки лежачего инвалида. Но я никогда не страдал избытком гуманизма, и просто молча ушел на смену. Когда я вернулся, все было кончено.

Вскоре после этого я снова сменил имя. Это получилось случайно... Я прибил к одной компании сатанистов, которые при развиртуализации начали произносить ник Афон как Эфон. Я подумал – и не стал их поправлять. Во-первых, на первом курсе я понял, что если у меня лично

отсутствуют ассоциации имени «Афон» с христианством – то это не значит, что их нет в головах окружающих. А это тоже имеет значение.

А во-вторых... Эфон – это орел, который клевал печень Прометея, носителя знаний. Одновременно – персонификация голода. Я действительно с каждым днем осознавал, что ненасытная жажда знаний – определяющая черта моей личности.

После смерти бабки я потратил выходные на генеральную уборку. Я наконец-то выкинул из дома все иконы и оформил всю квартиру так, как ранее была оформлена только моя комната. Никакого экстрима, просто минимум лишнего и несколько распечатанных плакатов на стенах. Плюс небольшой алтарь. Я хотел украсить его человеческим черепом, но ребята из морга пояснили, что девяностые годы кончились, и сейчас даже голову бомжа воровать рискованно. Пойти на риск можно – но даже для своих это обойдется в немалую сумму.

Лишних денег у меня не водилось, и я решил пока ограничиться бычьим черепом. Когда я поехал договариваться на скотобойню, возникла заминка, и мужики от отчаяния предложили мне «пока взять собачий», который «как раз предлагает один сумасшедший». Я со вздохом взял адрес и поехал в ближайшую деревню, где меня встретил совершенно опустившийся алкоголик, распродающий последнее имущество. Неожиданно оказалось, что меня ожидала удача: череп был не собачьим, а волчьим (алкоголик в прошлом увлекался охотой). Он долгое время пылился в избе в качестве украшения, и вот наконец дождался меня...

Когда я водрузил его на алтарь, я понял: это именно то, что надо.

После первого торжественного ритуала ничего особого не случилось. Видимо, потому, что я слишком уж сильно ждал этого «особого». Ничего не случилось и в следующие несколько дней... А потом я пригласил на «новоселье» друзей, мы выпили, я переспал с третьей в своей жизни девушкой, потом кто-то с кем-то поссорился, дело чуть не дошло до драки... На следующий день мы остались с девушкой вдвоем и романтично встретили декабрьское подобие рассвета, но уже через несколько часов идиллия была разрушена со слезами и соплями. Причин не помню, да они и не важны.

Перед тем, как хлопнуть дверью, девушка что-то прокричала насчет того, что теперь не будет праздновать со мною Новый год. Оказывается, в ее субъективной реальности у нас уже два месяца длились красивые романтические отношения, а теперь эти отношения вышли на новый уровень, но я не осознал и не оправдал...

«Тьфу ты, – подумал я, умываясь холодной водой. – А ведь сегодня 29 декабря». В этот день мне исполнилось 20 лет. Юбилейная дата! И никто не вспомнил – вот что значит не указывать день рождения в соцсетях. Но что там соцсети: главное, я сам об этом не вспомнил!

Наверное, мои нервы были слишком измотаны предшествующими событиями. Поэтому этот забавный, в общем-то, случай сильно меня расстроил. Я лег в постель, с головой накрылся одеялом и яростно пожелал только одного: навсегда уйти из этого поганого мира, где я так одинок, никому не нужен, и так далее, и тому подобное... В общем, обычные глупости, которые накатывают на эго в момент почти полной разрядки внутреннего аккумулятора.

Мне приснилось, что я бреду по колена в снегу к станции Красная Могила (где я в реальности так ни разу и не побывал). Мне очень, очень нужно ее найти, ибо это – средоточие моей жизни. Если я не найду ее, то я правда умру, в реальности, а не во сне (я понимал, что сплю, хотя сон был очень глубоким).

Наконец я запнулся о занесенные снегом корни, чуть было не упал – а когда вернул себе равновесие, обнаружил на том самом месте, где только что видел чистый снег, огромную яму, раскопанную не иначе как экскаватором. Рыжая земля исходила паром: было очевидно, что яму выкопали недавно. Впрочем, приглядевшись повнимательнее, я понял, что это не земля. Это кровь – алая дымящаяся кровь. И ошметки тел, похожие скорее на фарш. Я упал на колени и

понял, что хочу остаться здесь навсегда. Превратиться в такой же фарш – что может быть приятнее?

Даже сам процесс рассоздания сопровождался не болью, а чем-то похожим на сексуальное возбуждение. Точнее, это была боль, дошедшая до такой степени, что обратилась в свою противоположность. Это было как оргазм (кстати, проснувшись, я обнаружил, что действительно кончил, несмотря на недавний секс).

Потом был момент... или вечность небытия, а потом я почувствовал, что фарш, который раньше был мной, кто-то поедает. Чем больше он поедал, тем отчетливее ко мне возвращалось сознание. Наконец я понял, что меня (а точнее, нас: весь тот фарш, который был в могиле), с аппетитом поглощает огромный черный волчара. Затем мое сознание переместилось в его голову, и я понял, что отныне он – это я. Произвести обратное разделение было невозможно никаким усилием. Перестать ассоциировать себя с волком мне было так же затруднительно, как в обычной жизни человеку затруднительно перестать ассоциировать себя со своим телом.

Меня разбудил волчий вой. Я проснулся почти в полной темноте, но сразу четко увидел череп на алтаре. Через несколько секунд я понял, что вой совершенно реален, и доносится из соседней комнаты. Не скрою, что в моем организме произошел нехилый выброс адреналина. Это была как будто печать, заверяющая предшествующие события: «Это все совершенно, полностью реально». Зачем-то схватив с алтаря кинжал, я в два прыжка (из комнаты в коридор – из коридора в комнату) оказался у источника звука.

А это был всего-навсего колонки компьютера... Там был зациклен какой-то эмбиент, и в момент пробуждения в записи как раз выли волки. Я не помнил, чтобы включал (или когда-либо раньше слышал) эту композицию. В итоге я пришел к выводу, что музыку оставил кто-то из гостей, а перед сном я был слишком утомлен, чтобы ее заметить.

Может быть, это глупо. Но мы все-таки немалую часть своего времени проводим в материальной реальности, ограниченные рамками человеческого тела и психики. Нужно подкидывать туда какие-то «рациональные объяснения», чтобы психика могла адекватно работать в заданных условиях.

Люди, далекие от оккультной практики, поступают ровно наоборот. Время от времени они трактуют в мистическом ключе самые простые вещи, легко объясняемые материальными причинами. Цель та же самая – равновесие психики... Похоже, так уж мы устроены, что для нормального мировосприятия необходимо и рациональное, и иррациональное. Различие между оккультистом и материалистом состоит только в пропорциях...

Глава 3

Это был невероятно жаркий день... И это был выходной. В смысле, у меня, а по календарю – вполне себе понедельник. Самое время, чтобы отправиться купаться. Я не хожу на московские пляжи в общенародные выходные дни. На больших удобных площадках в это время бывает шумно и грязно, а в тихих закоулках можно наткнуться в лучшем случае на спаривающихся хуманов, в худшем случае на чьи-то испражнения.

В будни же все вполне сносно... Поэтому утром, умяв на завтрак большой кусок хорошо прожаренного мяса, я накинул на шею полотенце и отправился к автобусной остановке. К счастью, до Москвы-реки от моего дома можно доехать за десять минут.

Вернувшись из первого большого заплыва, я взглянул на мобильник и обнаружил, что мне четыре раза звонил мой приятель Игорь. Его так называют, потому что он весь покрыт жуткими

шрамами. Отвлекся когда-то за рулем на философские размышления, причем в глубокой провинции, где врачи мало осведомлены об эстетике наложения швов. Или дело не в провинции, а в том, что в той аварии было слишком много пострадавших (десять или около того, серьезная нагрузка для любой больницы)... В общем, Игорь. Его паспортного имени я не помню.

Для тех, кто не читал Терри Пратчетта, поясню: так в его фэнтезийной вселенной называются подобия зомби или големов, сшитые из разных кусков мертвых тел. На самом деле я и сам не читал, мне Игорь рассказал.

Так вот, пропущенных вызовов насчитывалось целых четыре, и на самом деле мне повезло, что оружий мобильник не привлек внимания какого-нибудь гопника, расхаживающего по пляжу в поисках наживы. Надо было отключить на время заплыва... Ну да ладно, в конечном счете все обошлось. Никаких гопников (ну, кроме меня, хе-хе) в пределах видимости не наблюдалось. Лишь две попсового вида девочки со смесью интереса и подозрения косились на мой костюм, состоящий из плавок и нескольких устрашающего вида амулетов. Надо будет наконец-то набить татуировку, вообще неотразимым стану.

Игорь взял трубку почти сразу. Оказывается, он и еще двое наших друзей, Глеб с Кровью, решили на три-четыре дня поехать на дачу. Ну и позвали меня с собой...

Глеб с Кровью – это такое блюдо... Типа как хлеб с кровью... Ладно, шучу. На самом деле это муж и жена, отличные ребята. Осколок той компании, которая поименовала меня Эфоном. Вместе едва ли не с пеленок, и иногда мне начинает казаться, что они не супруги, а брат и сестра. Хотя, если копнуть поглубже, то можно увидеть, что там есть и страсти, и приключения. Как-то раз они даже на год расставались. Правда, я тогда еще не был с ними знаком.

Глеб – это паспортное имя, а почему Кровь так себя называет, я не знаю. Как-то не привелось случая спросить ни у нее, ни у кого-то еще.

Как-то раз я с удивлением узнал, что Глеб – ровесник Игоря, а ведь тому уже за тридцатник. Кровь ненамного помладше. Но выглядят они не в пример лучше нашего меченого друга. Не только за счет более внимательного отношения к правилам дорожного движения, но и за счет общей заботы о внешности. Впрочем, они телевизионщики, им так положено. Особенно Крови: она не торчит за кадром, как Глеб-монтажер, а светится в разных шарлатанских шоу про магов и экстрасенсов. Но и Глебу приходится соответствовать: среда обязывает. А может, ему просто самому нравится ходить в солярий и делать стрижки, не знаю. В любом случае, он нормальный мужик. И не хотел бы я оказаться на месте того несчастного, который по наивности обзовет его гомиком. Боксу он в свое время тоже уделил немало внимания.

Честно говоря, на дачу мне ехать не хотелось. В среду мне надо было идти в ночную смену, а значит, до Москвы придется добираться своим ходом, в одиночку... Но Игорь меня уговорил. Мы договорились встретиться в 16 часов. Я выключил телефон, запрятал его поглубже в одежду и снова нырнул в реку...

Глава 4

Вернулся я нескоро: люблю долгие заплывы. И уже метров за двадцать от берега я заметил на пляже какую-то возню... Черт, парочка. Теперь уже даже не в кустах, а посреди пляжа: нравы в этом городе становятся все раскованнее. Надеюсь, хоть мою одежду не раскидали в порыве страсти... Я с отвращением и злобой, понятными любому самцу, выбрался на берег. И только тут сообразил, что девушка, кажется, не особенно радуется предстоящему соитию...

В общем, этот псих сразу убежал, а Саша (так ее звали) долго рыдала у меня на плече. Все как в сопливых сериалах. В конце концов я смог бережно, но твердо разжать ее руки, и начал вежливо прощаться. Романтическое знакомство с 17-летней дурочкой в мои сегодняшние планы не входило. Тем более, я узнал ее: это она с подружкой с утра бросала на меня странные взгляды. Просто потом подружка ушла, а она задумалась, а тут вдруг он кааак подошел, и хнык-хнык-хнык... Тьфу, вот же напасть.

Провожать спасенную принцессу до дома, как предписано в женских романах, я не собирался. Злодея и дух простыл, а нарваться по дороге на кого-то еще она вряд ли успеет: тут недалеко, вот пляж – вон дома... Дорога широкая, никаких зарослей и пещер с драконами.

Нет, вообще-то она была вполне симпатичной. Но я не зря учился на психфаке, и хорошо понимал, что после случившегося девушка нескоро созреет для секса. Тем более она зачем-то сообщила мне, что является девственницей... У меня вообще еще ни разу не было девственниц, а тут еще и с такими отягчающими обстоятельствами...

Может быть, вам кажется циничным, что я не попытался «разглядеть в девушке душу». Но, во-первых, мы, сатанисты, вообще не пользуемся понятием души. Но хорошо, скажем по-другому – «личность», «индивидуальность»... Вот вы верите, что потенциально близкого индивида можно запросто встретить на улице? Личности ищут среди общих знакомых, ну или хотя бы в интернете... Так я до сих пор думал.

Размышляя так, я вышел к домам. И тут-то она меня догнала! Я удивленно уставился на нее. О недавних рыданиях напоминала только легкая припухлость глаз. Сами глаза при этом были уже веселыми. Кажется, это девушка из тех, с которых как с гуся вода... Крепенькая.

Ну и, в общем, она спросила какую-то чушь про мои амулеты, я начал затейливый монолог с целью напугать ее и скорее отвязаться, но она заинтересовалась и начала задавать не такие уж глупые вопросы... Потом выяснилось, что она разбирается в Таро и имеет кое-какие сумбурные знания по астрологии... А потом разговор перешел на более личные темы.

Саша росла в семье, которая внешне выглядела идеальной. И это неудивительно: оба ее родителя были психологами. Правда, это был тот подвид психологов, которые уделяют основное внимание социализации личности, а не изучению ее глубин. Саша с детства слышала призывы «сесть в круг и обсудить это», уверения в том, что «мы тебя понимаем», предложения «нормально относиться к данному этапу развития»... Казалось бы, о чем еще можно мечтать?

Однако в 14 лет девочка начала замечать, что ей люто не хватает повода реализовать нормальную возрастную программу, то есть возненавидеть своих родителей. Парадокс: иногда понимающее выражение лица может довести до истерики не хуже, чем оскорбления и побои. По словам Саши, родители смотрели на нее «как на насекомое», ее взросление было для них не уникальным личным переживанием, а просто еще одним рутинным случаем из сотен. И вырваться из этого замкнутого круга было невозможно: родители предсказывали все действия дочери на пять шагов вперед.

Стандартные поперечные царапины на запястьях, рыдания ночи напролет, прогуливание школы, – все это родители каждый день видели на работе. Но в конце концов Саше удалось взять пусть не качеством, но количеством. Родители дрогнули и подсадили ее на антидепрессанты, предварительно даже устроив небольшой скандал, который стал для девочки глотком свежего воздуха. Последовало затишье, на протяжении которого Саша нормально окончила выпускной класс, сдала ЕГЭ... а потом (то есть месяц назад) бросила пить таблетки и пустилась во все тяжкие. Ну, то есть не пошла на выпускной, не стала посылать документы ни в один вуз, и приучилась целыми днями (а то и ночами) бесцельно бродить по улице. Для такого приличного ребенка, как она, это было почти как подсесть на наркоту и податься в проститутки.

Родители некоторое время побеспокоились, а потом заявили, что «она имеет право на подобный жизненный этап», что «они ее все равно очень любят»... и улетели отдыхать в Египет. Конечно, они предлагали ей поехать с ними, но в ответ на отказ не стали настаивать, а сообщили, что «уважают ее выбор».

Признаться, я (со своей насыщенной семейной историей) поначалу скептически слушал эти жалобы. Да если бы мне в свое время так повезло... Но затем я призадумался, вспомнил свой подростковый период, примерил ситуацию на себя (просто примерил, а не стал сравнивать со своей реальной биографией)... И понял, что это, пожалуй, действительно кошмарно.

В общем, вы уже догадываетесь, что на дачу мы поехали вместе. А что? Девочке явно нужна была авантюра. При этом расклад под названием «выезд на природу в компании незнакомых сатанистов», как это ни странно звучит, на поверку был гораздо более безопасным, чем расклад «в одиночку шляться по дворам и пляжам».

Конечно, на тему принесения в жертву девственниц мы пошутковали.

Дача принадлежала отцу Игоря, скончавшемуся полтора года назад. Это был просторный добротный дом, отец строил его в расчете на долгую спокойную старость. Но в итоге он не успел провести там даже один отпуск: его сбила машина за год до выхода на пенсию. Такая вот генетическая предрасположенность к ДТП... Игорь отца уважал, но особенно близки они не были. Поэтому никаких острых чувств по отношению к даче он не испытывал: дом как дом, хороший, удобный. Лично я там еще не был, но общие знакомые рассказывали, что отдых проходил на ура.

Оккультных планов у нас не было: это ошибка, считать, что оккультисты в целом и сатанисты в частности только и делают, что тут и там мутят ритуалы. Нет, планировалось просто поесть шашлыков, выпить, прогуляться... Тем более теперь, когда по моей милости в компании оказался человек «не в теме».

Глава 5

На следующий день Игорь проснулся раньше всех, хотя было уже далеко не утро: часов 14 или 15. Он (сукин сын, не обремененный знанием психологии) осторожно снял со своей груди голову уже-не-девственницы Саши, натянул джинсы и вышел покурить на веранду. Там его ожидал сюрприз: тщательно расчлененное кем-то тельце кошки было аккуратно разложено по полу. Сначала Игорю показалось, что тельце некомплектное, но, докурив и спустившись с крыльца, он обнаружил недостающую деталь: голова была аккуратно насажена на колышек, воткнутый в землю возле самых ступеней. А поднявшись обратно на веранду, Игорь обнаружил последнюю деталь композиции: на оконном стекле кто-то написал кровью: «Убирайтесь».

В легком обалдении Игорь прошел в комнату, где спали мы с Глебом и Кровью (пришлось уступить единственное отдельное помещение новоявленным влюбленным). Хозяин дачи громко поинтересовался, кто из нас вчера допил до такой степени, что решил поиграться со стереотипами из желтых газет. Все клятвенно уверили его, что ни за какими кошками вчера не гонялись.

В итоге Игорь пришел к выводу, что сюрприз для него подготовили местные подростки (начало давать плоды преподавание основ православной культуры), либо двоюродный брат, после смерти отца вроде бы претендовавший на часть наследства. Первый вариант, пожалуй, выглядел более достоверным.

Все части тела мы донесли до помойки, располагавшейся на окраине дачного поселка, а голову мы с Игорем решили оставить... Не пропадать же добру. Мы соскоблили с нее все мягкие

ткани, а почти оголенный череп поместили в солевой раствор и поставили вариться на газовую плитку.

Когда мы отмывали кровь с веранды и стекла, Кровь рассказала, что в ее имени нет никакого особого подтекста. Просто, когда в юности ее пригласили поучаствовать в первом шоу, ей надо было выдумать себе какое-то красивое и таинственное имя, и «Ангелина Кровь» показалось подходящим... Друзья тогда называли ее иначе, но впоследствии оказалось, что это имя (естественно, без «Ангелины») нравится ей куда больше. Поэтому теперь она называет себя Кровью, а для шоу выбирает другие псевдонимы.

Ближе к ночи мы преподнесли Саше подарок: тот самый кошачий череп. Девочка была в восторге: почему-то в этом возрасте (а может, и не только в этом) они любят кошачью тематику. Не знаю, по мне так волки и вообще род собачьих куда симпатичнее. Кстати, Кровь со мною согласна, за что я и уважаю ее больше, чем какую-либо другую знакомую женщину.

Я немного беспокоился из-за Игоря... Это тонкий момент. Конечно, дружески мы можем над ним прикалываться, иногда даже очень жестко. Но все-таки я понимаю, что в некоторых областях жизни шрамы очень мешают. Например, я никогда не спрашивал, как у Игоря обстоит дело с женщинами.

И вот Саша... Хорошо, переспать по пьяни – нетрудно. Но какие мысли посетили ее наутро? Не придет ли она в ужас от контакта с «этим чудовищем», не оскорбит ли моего друга отказом от дальнейших отношений (пусть даже очень мягким)? Для любого другого мужчины это было бы просто «бабьей дурью», но для Игоря... Наверное, это очень болезненно.

Но мои опасения не оправдались. С момента пробуждения Саша не отходила от своего нового приятеля, и в конце концов я начал подозревать, что шрамы ее едва ли не привлекают. А что, в конце концов, это «украшение мужчины»... Пусть и в чрезмерном количестве.

А может быть, дело и не в шрамах. Кроме шуток, Игорь отличный друг и интересная личность. Я был рад, что Саша это разглядела, и волевым усилием отбросил последние остатки ревности. В конце концов, незадолго до того, как пойти в комнату, Игорь отводил меня в сторону и напрямую спрашивал, рассматривая я Сашу как потенциальную любовницу или просто как подругу. Я выбрал второй вариант. Это было честно: я смотрел на нее как на одну девушку из многих, с которой, конечно, можно было бы когда-нибудь переспать, но... А Игорь – он прямо сразу как-то загорелся. Ни разу еще не видел его таким.

Глава 6

В ночь со вторника на среду пошел дождь, и мы вернулись с прогулки мокрыми насквозь. Второй раунд посиделок пришлось организовать в доме. Глеб предлагал растопить камин, но мы его отговорили: запаса дров у нас не было, а собирать что-то на улице в такую погоду вряд ли имело смысл. Поэтому мы просто зажгли свечи, и расслабленно раскинулись на двух креслах и тахте, попивая вино. Я заметил, что кошачий череп стал не единственным приобретением Саши за эти сутки: на ее груди красовался простенький амулет-пентаграмма. Игорь? Нет, скорее, Кровь. Женщины любят закреплять дружбу такими подарками. Да, кажется, раньше я видел этот амулет на Крови.

Шаги на чердаке раздалась, когда мы допивали третью бутылку. Мы с Глебом поднялись наверх, но никого не обнаружили. Слава Сатане: не хватало еще узнать, что за время отсутствия хозяина на даче поселились бомжи. После этого возник спор: Глеб утверждал, что Игорь должен провести жесткий ритуал и вычистить помещение наголо, а Кровь склонялась к варианту с

«приручением сущности». Игорь оказался в щекотливом положении. С одной стороны, именно ему, как хозяину дома, предстояло принять решение и поставить точку в споре. С другой стороны... Вмешиваться в супружеские ссоры – вы же понимаете, что это такое? В общем, Игорь сказал, что разберется с этим позже.

Буквально на полчаса я уснул, а проснувшись, ощутил себя полным идиотом. Я вспомнил, что, собираясь на дачу, хотел заодно пополнить запасы могильной земли (в последний месяц я увлекся одной интересной работой, в суть которой не буду здесь вдаваться)... Но во время вчерашней беготни с кошкой это как-то забылось, а теперь... Завтра ранним вечером мне надо успеть на электричку, чтобы быть в больнице к началу смены. В общем-то я планировал проспать почти до электрички. Подниматься с утра пораньше и нестись на кладбище? А сейчас просто сидеть здесь и терять время? Обидно. Тем более дождь кончился...

Саша согласилась на поход почти сразу. Все-таки она еще не вышла из того возраста, когда ночные прогулки по кладбищу кажутся чем-то романтическим. Кровь тоже не возражала: в последнее время она пыталась сбросить вес и старалась не упускать ни одного шанса прогуляться. Игорь был готов развлечь Сашу. А вот Глеб заартачился... В конце концов, он заявил, что вообще не видит смысла в этой моей практике, что землю нужно брать лишь в редких случаях и лишь с определенных могил... Я ответил, что имею право поэкспериментировать.

В общем, в итоге мы отправились на кладбище вчетвером, а Глеб раскрыл ноутбук и углубился в какую-то игрушку.

Я люблю сельские погосты за их тишину и заброшенность. Да, знаменитые московские кладбища имеют свою атмосферу, там можно увидеть памятники, приближающиеся по художественной ценности к произведениям искусства. Но охрана, администрация и раскинувшийся вокруг многомиллионный город никогда не дадут тебе почувствовать, что это кладбище – целиком и полностью твое. У тебя есть два варианта: либо прогуливаться с чинным видом туриста, либо пробираться между могил вором. Нетрудно догадаться, что эти варианты – соответственно, дневной и ночной. И в обоих я нахожу мало удовольствия.

То ли дело Подмосковье! Почти в полной темноте, не включая фонарики (которые только сузили бы поле зрения), мы приблизились к небольшому леску посреди изрытых тракторами лугов. В воздухе был рассеян запах дождя. Входя на территорию кладбища, друзья оставили шуточки насчет «Эфа-садовода» и погрузились в почтительное молчание. И это правильно: края надо знать.

Территория уже даже немного выходила за пределы леса. Кладбище раздулось, словно утопленник или обожравшийся дракон... Между оградками было очень мало проходов, я слышал, что скорбящие родственники устраивали едва ли не криминальные разборки за воделенные два квадратных метра. Санитарные нормы давности захоронений явно не соблюдались. Этим объяснялся тот факт, что на столь тихом и удаленном кладбище почти не было неухоженных могил... Всего несколько лет – и поверх захоронения, за которым перестали ухаживать, наскоро закапывали кого-то еще.

Что поделать. Мало того, что окрестные деревни вымирали, так еще и новоявленные москвичи, не отвоевав место на городских кладбищах, скопом возвращали своих покойников на малую родину.

Когда я сгребал землю в пакет, мне на несколько секунд показалось, будто бы я – огромный черный волк, пожирающий землю с кровью... Это было потрясающее ощущение. Но меня почти сразу вывел из транса Игорь, негромко произнесший что-то матерное. Я вскочил так быстро, что кровь ударила в голову, и меня слегка замутило. Но на это некогда было обращать внимание... Ибо Игорь, как оказалось, отвлек меня по уважительной причине.

По тому единственному проходу, который вел к месту нашей дислокации, неспешно двигалась полупрозрачная девичья фигурка. Я с интересом оглядел струящийся силуэт... Утопленница? Пожалуй, похоже. Может быть, это связано с метафорой об утопленнике, пришедшей мне в голову? Но почему женщина, я вроде бы представлял мужчину... Над этим надо будет поразмыслить.

Нервно сглатывая, Саша отступила за наши спины. Хорошо хоть не начала визжать, ненавижу этот звук. Еще одна правильная деталь – она не стала цепляться за Игоря или меня, реализовала хватательный инстинкт совершенно безобидным способом: ее руки побелели, сомкнувшись на ближайшей оградке. Нет, потрясающую девочку я нашел приятелю. Сам собой горжусь.

Призрак приблизился метров на пять и остановился. Мы смотрели на него, он смотрел (если это можно так назвать) на нас. Секунд через десять друзья покосились на меня, и я со вздохом понял, что разруливать ситуацию придется тому, кто все это затеял. Зажав в руке амулеты, я начал вежливо втолковывать призраку, кто я такой и зачем мне нужна могильная земля... Честно говоря, я не думаю, что он меня слушал и понимал. Если уж Глеб не понимает... Но, вероятно, сам тон речи сыграл свою роль. Через полминуты призрак схлопнулся, будто бы вакуум. Мы взяли пакет и отправились в обратный путь. Проходя то место, где стояла утопленница, Саша вцепилась в локоть Игоря и не отпускала до самого дома. Но это было уже неважно: ведь опасность миновала.

Мы подошли к даче уже на рассвете. Нас сопровождал какой-то загробный вой на границе слышимости... Если бы мы находились не посреди дикой подмосковной природы, я бы решил, что кто-то включил эмбиент. Но Игорь сказал, что это какой-то строительный агрегат. Там неподалеку возводили престижные коттеджи, для строительства которых использовалась весьма серьезная техника. Неужели кто-то начинает свой рабочий день сейчас, в пять утра?

Глеб спал на веранде, обрызгавшись репеллентом настолько усердно, что мы едва смогли к нему приблизиться. А рядом с ним валялось ружье, что очень не понравилось Игорю. Он разбудил Глеба и начал втолковывать, что еще не перерегистровал оружие с отца на себя, и нечего светиться перед соседями... Глеб ответил, что не просто развлекался, а отпугивал какую-то тварь, похожую на бешеную собаку. Мы начали было удивляться столь раннему наступлению белой горячки, но потом вспомнили про свои собственные приключения и вежливо замолчали.

Дачка-то явно была непростой... Повезло Игорю. Глеб и Кровь возобновили свой спор о методах работы со свалившимся на друга счастьем. Игорь не удержался и на этот раз вмешался... Потом разговор снова перекинулся на ружье, а потом – на какие-то дела Игоря... Я удалился в дом. Способы, которыми Игорек зарабатывает на жизнь, относятся к категории «меньше знаешь, крепче спишь».

Крепче спишь... Звучит заманчиво. Я повалился на топчан и почти сразу вырубился. В последнюю секунду я сообразил, что рядом вроде бы дремлет свернувшаяся калачиком Саша. Но нет – сил на ходьбу у меня не было. Если у них еще есть какие-нибудь интимные планы, то пускай Игорь на руках перемещает отсюда хоть Сашу, хоть меня.

В конце концов, мне уже не восемь лет, чтобы этого стесняться. Ну главное, пусть в пижамку не переодевает.

Глава 7

Осенью я заболел. Температура трое суток кряду держалась на отметке «38», и мне пришлось пропустить одну рабочую смену. На четвертые сутки я вроде бы пришел в себя, и решил доехать до больницы. В смысле, до той, в которой работаю. Начальство у нас нормальное, напарник адекватный, медиков кругом полно... Пусть посмотрят на мое состояние и текущие обстоятельства, и сами решают, оставаться мне на смену или пока не надо.

Оказалось, что не надо. Вообще-то, как охранник, я подчинялся ЧОПу, но на самом деле меня занесли в его штат чисто формально. Поскольку я попал на работу по протекции медика, основное внимание мне уделяла заместитель главного врача – женщина предпенсионного возраста с мощным материнским инстинктом. Вот и на этот раз она заявила, что напарник Гриша вполне может поработать в одиночку, а я должен еще немного отлежаться, пока не пройдет общая слабость. Гриша не возражал: в общем-то ему было все равно, коротать ночь в одиночку или в моем обществе. С тех пор, как интернет появился в каждом уютге, и каждый придурок обзавелся аккаунтом в «Одноклассниках», вопрос скуки на дежурстве потерял свою остроту.

А когда я уже подъезжал к дому, мне позвонила Саша. Я удивился: с тех пор, как мы ездили на дачу, я видел ее всего пару раз, и только в качестве бесплатного приложения к Игорю. Я уже утвердился в мысли, что не только любовь, но и дружба между нами не задалась, и вот надо же... Она хочет срочно приехать, причем с вещами.

Я пожал плечами и назвал адрес, извинившись, что не могу встретить у метро: меня и правда немного мутило.

Я рассчитывал увидеть Сашу через час, ну, может быть, через два. Живем-то почти рядом. Но она явилась только к вечеру, заплаканная, и, кажется, даже побитая. Все ее вещи умещались в одной спортивной сумке, а кошачий череп болтался на груди в качестве амулета. На мой взгляд, это было слишком радикальное решение. Интересно было узнать, что довело девушку до такого шага.

Свой рассказ она начала только после третьей кружки чая. Оказывается, через две недели после нашего знакомства мать вызвала ее на откровенный разговор и узнала почти все подробности нашего знакомства: в их семье не принято было иметь секреты. После этого родители несколько часов лазали по интернету и наконец выдали свой обычный вердикт: «Тебе нужно пережить этот этап» и «Мы уважаем твой выбор». Мать торжественно поздравила дочку с потерей девственности, строго поинтересовалась на тему презервативов, а затем записала ее к знакомому гинекологу, который назначил противозачаточные таблетки.

С Игорем Саша встречалась регулярно, отношения развивались как надо, и семейные проблемы начали отчетливо отходить на второй план... Но пару дней назад Игорь на две недели уехал из города по своим темным делишкам, причем ему пришлось даже оставить дома свою обычную сим-карту, а для поездки завести отдельную, номер которой хранился в тайне. Саше впервые за все это время довелось осесть дома, и родители в полной мере использовали ситуацию.

Они начали гоняться за ней с ЛаВеем в руках. Я серьезно. Эти «целители душ» успели с карандашиком в руках прочесть «Сатанинскую Библию» и парочку других произведений, и пришли к выводу, что ЛаВей – это нечто вроде Карнеги, только с оттенком «мрачняка». Тщательно отфильтровав все, не соответствующее их представлениям, и ощутив под ногами привычную почву, родители начали учить Сашу жизни с удвоенным энтузиазмом.

Вместо психологических мантр ей теперь зачитывали подходящие к случаю «Сатанинские заповеди» или «Сатанинские правила на земле». Вместо «гармонизации личности» призывали «соответствовать высокому званию сатаниста». И так далее, и тому подобное.

Честно говоря, выслушивая эту историю, я в голос ржал. Может быть, это было невежливо с моей стороны, но стоило мне только представить... О, черт побери, как бы я хотел это видеть!

В общем, минувшей ночью Саша полезла на отца с кулаками и пообещала наложить на него проклятие. В ответ ей порекомендовали «действительно провести процедуру избавления от негативных эмоций». Через час мать сочла, что дочь «готова к спокойному разговору», и Саша снова попыталась объяснить, что сатанизм – это не просто ролевая игра для более сладкого устройства обывательской жизни. Она начала доказывать полную реальность всех странностей, которые повидала в ходе нашей поездки (а также нескольких эпизодов, имевших место позже). Если расчлененную кошку, шаги на чердаке и «бешеную собаку» Глеба еще можно было отнести на счет наших шуточек, то с кладбищенским призраком возникла проблема.

Наконец Саше удалось убедить мать в том, что она действительно видела ту утопленницу. Что это не фантазия, не метафора, не мимолетный оптический обман... О достигнутых результатах догадаться нетрудно: родители заявили, что этот случай выходит из их компетенции (о, как же Саша обрадовалась), и что завтра дочь ложится в психиатрическую клинику (а вот это был уже неприятный сюрприз).

До совершеннолетия Саше оставалось два с половиной месяца: мы родились в один день, хотя и в разные года. А пока ей надо было где-то жить... Ну да ладно, с этим разберемся: если Игорь по возвращении сочтет, что пока не готов к «созданию ячейки общества», то Сашу впишу я, безо всяких ячеек. Квартира-то двухкомнатная. А вот что касается финансов...

Мне не жалко было бы покормить девчонку эти два с половиной месяца. Но зарплата охранника не так велика, и вдвоем нам пришлось бы сильно ужаться, вплоть до макарон со второсортной тушенкой. Нет, Саша была готова в тот же день устроиться на работу куда угодно. С 16 лет на это не требуется согласия родителей... Но у нас была другая проблема. Следовало ожидать объявления в розыск, и если Саша сейчас придет куда-то с паспортом – нетрудно предвидеть, что менты быстро вернут заблудшую овечку в лоно родного дома.

Надо было что-то соображать по знакомствам... Вообще-то логичнее всего было дожидаться Игоря: у него знакомств всяко больше, чем у меня. Но, как назло, у меня оставалось всего пара тысяч до зарплаты (которая ожидалась через неделю), а Сашины сбережения были еще менее впечатляющими. Как нам эту-то неделю прожить?

В общем, несмотря на то, что Саша изъявила готовность питаться хлебом и водой, я решил взять немного денег в долг. Мы порешили на том, что после зарплаты деньги отдам я, а потом, как только у Саши появится хотя бы какой-то доход, она вернет их мне. Она настояла.

Я поехал за деньгами к тому из друзей, который жил ближе всего (если не считать Саши). Юра Француз, известный в узких кругах телемит не-знаю-какого-там уровня посвящения (или как это называется). По национальности он чистокровный русак, просто работает фриланс-переводчиком с французского.

Глава 8

По моим наблюдениям, телемиты делятся на две категории. В первую входят восторженные малолетки и просто слабохарактерные психи, в которых вселяет уверенность факт принадлежности к «большой и серьезной международной организации». Ко второй категории относятся адекватные и талантливые ребята, которые в один голос признают, что «орден уже не тот, что во времена их молодости». Причем так говорят и те, кто вступил в организацию двадцать лет назад, и их товарищи с десяти- или пятилетним стажем... В общем-то я догадываюсь, что дело не в ордене, а в переходе самого человека из первой категории во вторую. Но это мое личное мнение, и я его никому не навязываю. Зачем дергать кого-то за корни личности?

Тем более у нас, сатанистов, в смысле организованности дело обстоит еще веселее...

Семейство Француза, состоящее из него самого, жены и двоих детей пяти и семи лет, находилось дома в полном составе. Мы с Французом быстро решили вопрос с деньгами, после чего жена пригласила меня на чай. В ходе беседы хозяин так сильно нахваливал одну из новых книг, изданных орденом, что я не выдержал и потратил на нее часть полученных только что финансов. Потом мы начали обсуждать Юнга (за которого я как раз очень плотно засел в связи с институтской программой), и даже не заметили, как за окном началось смеркаться. Я очнулся только тогда, когда хозяйка погнала детей спать.

Я ощутил укол совести: ведь я даже не позвонил Саше... И она почему-то не позвонила... Постеснялась? Черт, вот уже приходится привыкать жить не в одиночку.

Через сорок минут я открыл дверь квартиры и посетовал, что забыл выключить свет. Но тут же вспомнил, что теперь свет в доме включаю и выключаю не только я...

Саша сидела за компьютером и что-то яростно строчила на клавиатуре. Вордовский документ... Литературкой балуется, или это дневник? Впрочем, это было неважно. Гораздо интереснее был тот факт, что девушка оказалась обритой наголо.

Она объяснила, что решила изменить свою внешность на случай розыска. Может быть, это логично, но к чему такой радикальный ход? Теперь она только больше привлекает внимание. А впрочем, если отвлечься от этих уголовных соображений... Во-первых, неплохой символ начала новой независимой жизни. Во-вторых, ей это к лицу.

Жизнь потекла размеренно... Я в соответствии с графиком ходил на работу (как ни странно, вся эта беготня не усугубила, а окончательно вылечила мою болезнь), потихоньку готовился к экзаменам и один раз даже переночевал у старой любовницы. Саша прочно оккупировала компьютер, уступая его мне только тогда, когда это было необходимо для учебы. Мне это даже нравилось: не было искушения отвлекаться на веб-серфинг. Саша почти не ела (похоже, о хлебе и воде она говорила не от смущения, а в соответствии с трезвой оценкой своей физиологии). Только сигареты она потребляла в больших количествах.

Алкоголь мы ни разу не покупали. Все-таки я молодой здоровый парень, и к чему мне создавать риск каких-то эксцессов... Неизвестно, как это повлияет на отношения с Игорем. Насколько я понял, он не склонен к промискуитету.

За день до приезда Игоря Саша наконец-то показала мне плод своих трудов. Это была серия забавных рассказов о «лесных зверушках», образы которых она почерпнула в мультсериале «Сауспарк». Ну помните, там один из героев придумал добрых на вид зверят, которые на поверку оказались монстрами. На лицо прекрасные, жуткие внутри...

Рассказы мне понравились, девушка явно обладала талантом. Зверушки попадали в ситуации, в которых легко угадывалась канва и собственной Сашиной биографии, и кое-каких деталей жизни наших знакомых (в том числе моей)... На общесоциальные темы тоже кое-что было...

Мы создали для рассказов специальное сообщество Вконтакте, и оно быстро обрело целевую аудиторию как среди сатанистов, так и среди поклонников «Сауспарка». На самом деле среди вторых даже в большей степени, а сатанинская часть аудитории ограничивалась узким кругом моих и Сашиных друзей. И это хорошо: в интернете лучше заниматься чем-то максимально конкретным и относительно безобидным. Попытки раскрыть наши мрачные личности во всей красе, да еще и объединить их в каком-то едином пространстве обычно ни к чему хорошему не приводят.

Глава 9

Сашины родители даже превзошли наши ожидания: через неделю после переезда к Игорю она прислала мне ссылку на обстоятельную статью в «Комсомольской правде». Там рассказывалось о страшной сатанинской секте, которая завлекла в свои сети несчастного ребенка... Один только монолог Сашиной матери занял четыре абзаца. Тут я впервые увидел ее воочию: неплохо сохранившаяся тетя, в глазах – вселенская скорбь брошенного щенка... Саше на фотографии было лет 13: вероятно, так редакции показалось жалостливее. Ну а фотографии черных месс и оскверненных кладбищ журналистам пришлось просто надергать из интернета.

Моя фотография там тоже была, из Вконтакта. Ничего, выбрали не самую худшую. Прочитав описание своей демонической сущности, я почувал, будто бы снова слушаю покойную бабку. А вот снимок Игоря газете раскопать не удалось: он не светился в интернете, то ли из-за смущения, то ли из-за работы. Может быть, поэтому основное внимание в статье было уделено не ему, а мне.

Я немного опасался проблем на работе, но, к счастью, пронесло. В статье я фигурировал не под паспортным именем (откуда им было его знать), а просто как «некий Эфон». Фотография же никому из коллег на глаза не попала.

Что же касается более серьезных репрессий... На самом деле я ожидал вызова к участковому, и даже придумал, как и что ему говорить. Проконсультировался со знакомым адвокатом. Но так и не дождался: видимо, все использованные в статье обороты из серии «полиция поражена размахом» и «ведется следствие» оказались пустым блефом.

Саша устроилась курьером в фирму двоюродного брата Игоря. За минувшее время выяснилось, что кошку расчленил не он, и вообще он оказался вполне адекватным человеком. С наследством они что-то порешали, как именно – я не вникал.

На следующий год Саша собралась подать документы на филфак, причем на очную форму... Игорь сказал, что без проблем потянет семейный бюджет. На самом деле он и в этом году предлагал ей не работать, но она отказалась. Думаю, что это правильно... Дело не в деньгах, а в том, что для взросления человеку необходимо хотя бы немного пожить по принципу «у меня есть свои обязанности». Не как на учебе, когда эти «обязанности» на поверку касаются только твоего личного развития. А по-взрослому, всерьез. Это отрезвляет и дисциплинирует.

У меня был один друг, который с юных лет получил возможность жить на средства от сдачи «лишней» квартиры. У него были большие задатки, он тоже неплохо писал... Казалось бы, вот она, возможность для продуктивной жизни. Сиди себе целыми днями, твори. Проснулся, сделал зарядку, поработал над черновиками, забежал в тренажерку, вечером замутил ритуал... Съездил в путешествие, записал впечатления, использовал их для дальнейшего труда...

Примерно так он и собирался жить, но не получилось. Первые пару лет он провел в интернет-срачах, а потом банально спился.

Впрочем, это только один пример, и, может быть, возможны иные варианты... Но лично мне они не встречались. Я знаю только одного представителя «золотой молодежи», который состоялся как личность и как сатанист. Он не курьерил, не сидел в офисе и не сторожил больницу – но у него был такой отец, при котором ничего этого было не нужно. Военная дисциплина, закрытая элитная школа, четкое прояснение вопроса «откуда берутся деньги». Средства на основание бизнеса отец сыну выделил, но это была не подачка любимому сыночку, а целевая инвестиция со строгой отчетностью. И лишь через три года, выполнив отцовский бизнес-план, сын продал этот бизнес и занялся тем, чем считал нужным: открыл магазин оккультной литературы. Магазин, кстати, процветает.

Глава 10

День рождения, который для меня стал двадцать первым, а для Саши восемнадцатым, мы решили отпраздновать вместе у меня дома (тут было просторнее). Игорь был только за, Глеб с Кровью тоже приехали. Ну и еще несколько человек, в том числе одна Сашина подруга (кажется, не та, что была на реке в день нашего знакомства... хотя до конца я не уверен).

Время приближалось к полуночи, и все были уже навеселе. Гости начали обсуждать, кто постарается успеть на метро, а кто останется до утра. После этой естественной для Москвы сортировки компания всегда становится теснее и приятнее. Я уже предвкушал начало настоящего праздника, когда раздался звонок в дверь...

В глазок я увидел своего напарника Гришу. Вот уж сюрприз так сюрприз! Первым делом я подумал, что на работе что-то случилось. Но, в конце концов, я охранник, а не врач. Даже если предположить, что пациенты устроили драку палата на палату – то логичнее позвонить 02, а не вызывать из дома дополнительных ЧОПовцев. К тому же не по телефону.

Однако после короткой беседы ситуация прояснилась. Дело в том, что днем я проговорился о своем дне рождения, и Гриша, который начал праздновать Новый год где-то в середине декабря, стал отчетливо напрашиваться в гости. Я соврал, что у меня плохое настроение и я не хочу ничего праздновать. И вот этот лопух заявился в отдел кадров, правдами и неправдами выяснил мой домашний адрес и приперся спасать меня от депрессии...

Проблема в том, что Гриша был человеком православным. Немногим менее, нежели воцерковленные фанатики, но немногим более, нежели средний «пасхальный христианин». Помимо стандартного крестика, он носил на груди крошечную иконку, а на пальце – кольцо «спаси и сохрани». Когда на экране телевизора в холле появляется патриарх РПЦ или хотя бы просто церковь, Гриша поспешно осенял себя крестным знамением. А во время одной случайной беседы я так и не смог ему втолковать, что в наши дни некоторых детей можно оставлять некрещеными. Для него это оказалось чем-то вроде отказа от государственной регистрации рождения. Уровень вольнодумия, неподвластный воображению. В общем-то он так и не поверил мне, что чисто юридически это законно.

При этом с ним в принципе можно было спокойно поговорить на другие темы, он не читал Библию, а церковь посещал очень редко. Поэтому я говорю, что он не фанатик, а так, нечто близкое к.

Но знакомить его с деталями своего мировоззрения и образа жизни я, конечно, не стремился. Поэтому моя квартира, внешний вид гостей, да и мой собственный не-форменный костюм, состоявший из черной футболки с пентаграммой и черных джинсов, произвел на Григория неизгладимое впечатление. Это было видно сразу, и лучше бы, честно говоря, он сразу развернулся и ушел.

Однако в его голове, видимо, сработала заранее заложенная программа. Он протянул мне бутылку водки и дешевый одеколон (я так и не понял, это был подарок или дополнение к столу). Сделал шаг на кухню. Там ему налили... Он выпил для храбрости и расхрабрился настолько, что окончательно оставил мысли о бегстве.

Тем временем ранние пташки упорхнули в метро, и в квартире остались только я, Саша, Игорь, Глеб, Кровь и двое братьев-язычников, Черносвет с Мертвославом. Да-да, среди язычников встречаются такие, в которых Тьма проявляется посильнее, чем в иных сатанистах. И я

подозреваю, что после этой ночи ни один служитель светлых богов не убедил бы Гришу в лубочно-сладенькой сущности язычества.

Мне было интересно, начнет Гриша ораторствовать на широкую аудиторию, или будет зажимать одиночек по углам. В любом случае, я заранее пошептался с каждым из гостей и попросил отнестись ко всему с юмором, желательно Григория не бить, а если бить – то по возможности не сильно.

Наш дорогой гость тем временем избрал вторую линию поведения. Самым «слабым звеном» ему показалась Кровь (Саша все время держалась возле Игоря, а к нему Гриша опасался подходить ближе чем на два метра). Ну, что я могу сказать... Мужик сделал неверный выбор.

Кровь – она ведь профессионал в общении с подобной аудиторией. Уже через полчаса Гриша вполне уверился в том, что на нем лежит страшная порча. Порча, кстати, правда лежала, но не какая-то фамильная стародавняя, как уверяла Кровь, а свеженькая, только что наведенная заботливо выстроенной речью и правильными телодвижениями... Прямо-таки постановка диагноза в онлайн-режиме, в процессе возникновения болезни. Профессионал, говорю же.

Пользоваться услугами Крови или кого-либо из присутствующих по снятию порчи Григорий не согласился (да никто, честно говоря, и не горел желанием). Только церковь, только хардкор! В тот факт, что храмы божии не работают круглосуточно, наш гость не поверил точно так же, как в законность отказа от крещения. И он бы действительно побежал разыскивать церковь среди ночи в незнакомом районе (что при его внешнем виде сулило вызов скорой психиатрической добросердечными прохожими), если бы в коридоре не запнулся о чьи-то берцы и не приложился головой о косяк. Вот это я понимаю, скорость действия заклатья.

Немного придя в себя, мой несчастный коллега попросил налить еще водки и заплетающимся языком спросил, запланирована ли на сегодня оргия. Мы были вынуждены его разочаровать. Тогда Григорий решил удовлетворить свою насущную потребность ментальным путем, ввязавшись в спор о русской истории с Мертвославом и Черносветом. Поначалу мне показалось, что дело обретает опасный поворот (мне не нужен труп дома), но затем я расслабился. Язычники явно наслаждались процессом, блистая отсылками к историческим трудам, рукописям, археологическим находкам и даже христианской библии...

Вскоре Григорий предпочел перепрыгнуть из фактологической области в эмоциональную, после чего уже Глеб начал мучить его относительностью понятий добра и зла. В философском плане вопрос простейший, но Григорий, похоже, столкнулся с ним впервые и не имел никаких «домашних заготовок» в виде тупой веры, предохраняющей разум от попыток осмыслить окружающую реальность.

Меня это все быстро утомило, и я ушел к алтарю. Может быть, зря я затеял весь этот цирк? Встретил бы день рождения в одиночку, провел бы ритуал... А впрочем, мало ли дней рождений я встречал в одиночку. Хватит, в жизни должно присутствовать разнообразие.

Неожиданно дверь комнаты приоткрылась. Вошла Саша. Я удивился, увидев, что она тоже расстроена... Ей-то это представление, наверное, в новинку (ведь у нее не было такой бабушки, как у меня). Посмотрела бы, посмеялась.

Однако девушка заявила, что именно представление ее и расстраивает. Видите ли, ей начинает казаться, что Гришу никак невозможно переубедить. Я улыбнулся... Все-таки эта бритоголовая красавица умеет меня развлечь.

Какое переубеждение? Чего она ожидала? Что он сорвет с груди крест и иконы, отрубит палец с намертво вросшим кольцом и заорет: AveSatanas?! Так ему ведь не пятнадцать лет... Если уж человек дожил до сороковника, сохранив лояльность к христианству и сопутствующим ментальным вирусам, то вряд ли его можно переделать. Такова уж его суть. Христианство не могло бы существовать, не будь для него идеальной почвы в головах многих людей. Причем эта

почва – не то, что можно отделить от самой сути такого человека. Убрать ее – значит убить его. Ничего иного, ничего из того, что мы называем личностью, в таких людях нет.

Можно лишь попытаться использовать эту почву как-то иначе, нарастить на нее более рациональную мифологию... Коммунисты вот пытались. Но эксперимент окончился крахом, от осинки не получишь апельсинки, – что было убедительно доказано 21 год назад, в тот день, когда я родился.

Вздыхнув, Саша улеглась спать на диванчик возле алтаря. Я погасил свет, аккуратно прикрыл дверь и прошел на кухню. Игорь и Глеб сидели по углам, радостно ухмыляясь. Мертвослав спал, положив голову на стол. Крови в помещении не было – как я понял, она ушла спать в другую комнату.

Ну а около окна в обнимку сидели Гриша и Черносвет. Крепко вцепившись в своего нового друга, наш христианин распевал «Варяга». Он пробовал заставить Черносвета спеть дуэтом, но тот реагировал вяло. Это расстраивало Григория, поэтому, едва увидев меня, он переключился на новую программу: начал со слезами доказывать мне, что мы прекрасные ребята, а он – вообще советский атеист. Впрочем, всю свою священную атрибутику он снимать не спешил. Когда я поинтересовался на этот счет, Гриша сник и забормотал: «Грех, грех!». Я спросил, отказался ли он от планов насчет похода в церковь. Он ответил, что «конечно, надо сходить, и порчу снять, и это... исповедоваться».

Игорь и Глеб расхохотались. Черносвет встал, решительным движением отбросил Гришу в сторону, затем рывком поднял на ноги брата и сказал, что они пойдут ловить такси. Я хотел было всучить им в нагрузку Григория (пусть где-нибудь по пути его потеряют), но они отказались. Впрочем, Гриша сам засобирался и уверил меня в том, что прекрасно дойдет до дома без чьей-либо помощи...

Как я вскоре узнал на работе, он замерз в снегу в трех кварталах от моего дома. Говорят, это приятная смерть. Хотя, может быть, врут – ведь сам по себе холод не так-то приятен.

Но тогда, ранним утром 30 декабря 2012 года, я еще ничего не знал о судьбе Григория. Игорь ушел в комнату к Саше, Глеб в комнату к Крови... А я не настолько хотел спать, чтобы вламываться к какой-либо из пар. Во всей этой суете я успел выпить не так уж много.

Я сварил себе кофе, сел за кухонный стол, взял карандаш и начал внимательно читать «Психологию и алхимию».

Глава 11

24 февраля Черносвет и Мертвослав позвали меня на ритуал, посвященный Велесову дню. Я с радостью согласился, потому что Велес – самый Темный из славянских языческих богов. В вульгарном изложении его часто связывают исключительно с сельским хозяйством, забывая о мудрости и поэзии, необузданном животном начале и силе...

В общем, это было то, что надо. Я уже за неделю начал готовиться к поездке на капище, настраиваясь на нужный лад в ежедневных медитациях. Я чуял отголоски будущего ритуала в самых простых бытовых моментах, будь то хмурое февральское утро (получающее право называться «утром» примерно к полудню) или провезенный мимо моего поста на каталке умирающий старик...

Можете ли вы представить степень моего разочарования, когда неожиданно выяснилось, что все отменяется? Волхв, который должен был вести ритуал, почему-то срочно уехал на родину,

Мертвослава пригласили на какое-то другое мероприятие... А Черносвет модифицировал план ритуала и состав участников таким образом, что мне уже самому не захотелось никуда ехать.

В принципе в ритуальном календаре очень много праздников, особенно если не придерживаться какой-то конкретной мифологии, а опираться на все системы, созданные за много тысяч лет. Никто не отмечает каждый праздник, о котором где-то услышал или прочитал. Более того, лично я считаю, что даже самые популярные в оккультной среде даты (Самайн, Бельтайн, важнейшие календарные точки) можно не отмечать, если в этом году явно не чувствуешь к этому предрасположенности.

Но когда ты уже настроился – это совсем другое дело. Я было совсем решил отметить Велесов день в одиночку. Немного колебался лишь – дойти до ближайшего леса или плюнуть на все и провести ритуал дома. В общем-то ни то, ни другое меня не устраивало... Все это было не то.

И тут мне написал приятель-ровесник, с которым мы уже достаточно давно познакомились в интернете и несколько раз встречались в реале. В последнее время он куда-то пропал – как теперь выяснилось, примкнул к довольно-таки замкнутой группе старых сатанистов, не поощрявших интернет-активность. Так вот, самое интересное, что он звал меня отметить именно 24 февраля. С одной стороны – ничего удивительного: именно Велеса мы с ним когда-то активно обсуждали. С другой стороны – ладно он, а его параноидальные мрачные друзья? Как они могли согласиться сразу встать в круг с парнем, которого не видели ни разу в жизни? Впрочем, и этому есть объяснение: кажется, они не считали этот ритуал особенно важным. Дэн просто давно искал повода познакомить меня с ними – и вот услышал слово «Велес», вспомнил переписку...

Помните, что я говорил? По возможности надо подкармливать сознание «логичными объяснениями». Даже если сам внутренне в них не веришь. Иначе чокнешься.

В общем, вечером 24 февраля я и Дэн встретились на станции метро неподалеку от одного из московских парков. Дэн совсем не изменился: кажется, его потертое черное одеяние было не просто похоже на то, в каком я его видел в последний раз. Кажется, оно вообще было тем же самым. Причем с тех пор он его не только не стирал, но и не снимал. Дэн поэт, это многое объясняет.

Спустя некоторое время Дэн познакомил меня с компанией из троих мужчин и женщины в возрасте примерно от 30 до 40 лет. Двое мужчин напоминали бандитов, а один – школьного учителя, нарядившегося к Хеллоуину в Фауста. Женщина же была сухопарой, с коротко стриженными черными волосами. На ней был костюм, похожий на зимнюю военную форму.

«Бандитов» звали Стас и Юра, «учителя» – Гейт, а женщину – Мара. Я сразу не понял, это псевдоним, взятый в честь славянской богини, или просто сокращение от имени Марина (как позднее выяснилось, и то и другое: ее действительно звали Марина, но пока она не начала работать с образом Мары, никто не называл ее уменьшительным именем).

Продравшись по колена в снегу и кустарниках к небольшой полянке, мы начали разводить костер. Нас ждал неприятный сюрприз: жидкость для розжига, которую Юра запас с лета, оказалась некачественной. Пока Стас и Гейт ругали Юру за то, что он выбрал для хранения непроверенную жидкость, а Дэн растерянно хлопал ушами, мы с Марой отошли в сторону и начали выуживать из-под снега что-то, отдаленно похожее на хворост. Мара заявила, что «это хорошо, потому что костер должен быть естественным». Я нахмурился. Во-первых, я не люблю фанатов «естественности». Углеводороды в бутылке ничем принципиально не отличаются от углеводородов в дровах. Просто они хорошо обработаны и приспособлены для конкретной цели... И шарахаться от этого может только тот, кому чуждо научное мышление. Во-вторых, я не люблю, когда кто-то пытается делать хорошую мину при плохой игре.

Наконец я высказал это Маре, и, как ни странно, она миролюбиво заявила, что никогда не осмысливала это с такой стороны. Я так и не понял, что именно: «естественность» или хорошую мину.

В общем, костер у нас в итоге получился. Мы сложили ненужные вещи и верхнюю одежду поодаль, встали в круг...

Сначала я думал о том, что наверняка замерзну. Потом – о том, что Гейт зря зачитывает один из Енохианских ключей на ритуале, вроде бы изначально посвященном славянскому божеству. А потом... Меня просто захватило и понесло. Я впал в самый настоящий транс. Оказалось, что этот парень обладает недюжинным талантом... Я механически повторял все те слова, которые надо было повторять, я смотрел то вверх, на очерченный ветвями деревьев круг, то вниз, на тающий от жара костра снег, но чаще всего – в Бездну, открывшуюся перед моим внутренним взором.

Когда ко мне кто-то подошел, я вздрогнул. Только через несколько секунд, во время которых я чувствовал себя как после внезапной остановки карусели, до меня дошло, что Стас протягивает мне чашу с вином. Ее уже пустили по кругу, а я и не заметил. Я отхлебнул, потом плеснул вина в костер, потом передал чашу Маре... Она взяла ее сразу. Она стояла, покачиваясь, с широко открытыми и ничего не видящими глазами, но нужные движения выполняла с точностью идеального механизма.

Вскоре после этого я снова впал в транс – но уже в иной. Как будто со спидов меня мигом пересадили на седативы. Здоровый, черный, глубокий сон...

Я очнулся, услышав приглушенный смех. Костер почти догорел, превратившись в черное пятно с прожилками красных углей. Свет уже не сужал поле зрения, и я увидел, что компания собралась возле вещей и разливает по пластиковым стаканчикам коньяк. Гейт раскуривал сигару. Он смотрел на меня с улыбкой – мол, надо же, каков новичок, не заметил закрытия Врат. Но его прищуренные глаза не смеялись. В них светилось одобрение.

Дэн, Юра и Стас не были столь щепетильны; они отпустили несколько шуточек по поводу моего состояния. А Мара не обращала на меня внимания. Она почему-то выглядела очень усталой и растерянной.

Было слишком холодно, чтобы растягивать общение надолго. Мы собрались и двинулись к выходу из парка. По пути я яростно проклинал свою легкую косуху, которую надел, чтобы не ударить в грязь лицом перед новыми товарищами (мне казалось, что в пуховике я выгляжу гораздо хуже).

Перед тем, как расстаться в метро, Мара зачем-то дала мне свои контактные данные.

Глава 12

Мы встретились через неделю у меня дома. До этого мы немного пообщались по скайпу (Мара не любила интернет только в его публичном варианте), и пришли к выводу, что нам весело и интересно вместе.

Мне было невероятно легко с ней, потому что я с самого начала помыслить не мог о каких-то сексуальных отношениях. Я еще никогда не спал с женщинами старше себя, тем более на десять лет. И я искренне полагал, что сам им не интересен (если не брать в расчет совсем безнадежных бабушек, которые в последних судорогах либидо начинают «бросаться на молоденьких»).

В общем, мы отнеслись друг к другу как брат и сестра. К своей чести могу сказать, что смог стать именно братом, а не «младшим братишкой»...

«Инцест» произошел на третий день нашего неспешного совместного запоя, и на поверку в нем не оказалось ничего страшного. Просто близость пришла к своему логическому итогу. Впрочем, я не буду вдаваться в подробности: я знаю, что Мара это не одобрила бы.

Вообще наглость и развязность удивительным образом сочетались в ней с нежностью и скромностью... Мне так и не удалось понять, что из этого было маской, а что настоящим лицом.

Оказалось, что Мара знает Кровь и Глеба... и терпеть их не может. Тот факт, что они знакомы, меня не удивил: сатанистов очень мало, а средств связи сейчас очень много, так что скорее следует удивляться, когда кто-то один хотя бы краем уха не слышал о ком-то другом. Факт взаимной неприязни тоже был неудивителен. Увы, для крайне индивидуализированных и разнообразных личностей, большую часть своей жизни проводящих «на грани», внутренние конфликты – вещь совершенно обычная.

Когда-то в юности Кровь с Марой были подругами. А потом Кровь пошла сниматься в экстрасенсорное шоу, а Мара ударилась во все тяжкие (секс, наркотики, блэк-метал)... Мара считала, что Кровь «продалась системе», Кровь упрекала Мару в соскальзывании на дно общества...

При чем тут Глеб? Да, собственно, ни при чем. Он попал в жернова ненависти за компанию с супругой.

С тех пор прошло много лет, и многое встало на свои места. Мара, как говорится, «попустилась», завязала с самыми сомнительными тусовками и нашла «почти приличную» работу в фирме, занимающейся оформлением клубов и ресторанов в стиле «мрачняка». Кровь разочаровалась в «сияющих огнях шоу-бизнеса» и начала воспринимать свою работу с предельным цинизмом, без розовых очков и излишнего пафоса. Мне кажется, что, встретиться они сейчас, они бы нашли общий язык. То есть, если бы эта встреча была первой... А теперь, когда столько всего уже наговорено, наделано и наритуалено... Нет, отношения не могут быть спасены. Они не только умерли, но кремированы и развеяны по ветру.

Да и зачем их спасать? Я отнюдь не пытаюсь передружить всех своих знакомых. Пусть Мара презрительно щурится в ответ на упоминания Крови, пусть Кровь поступает точно так же в ответ на упоминания Мары. Пусть они обе даже болтают друг о друге гадости, в общем-то иногда под настроение я с удовольствием послушаю (иногда из таких откровений можно выудить действительно ценную нейтральную информацию как по личностям участников конфликта, так и по общей психологии).

Пару раз, на заре своего обучения общению, я пробовал всерьез отнестись к подобным ситуациям. Пытался выбрать чью-то сторону, кого-то помирить... С распечатками переписки по городу бегал... Но ничего хорошего из этого не вышло. С тех пор я почти всегда предпочитаю сдержанный нейтралитет. Конечно, порой это невозможно... Но я стараюсь реже попадать в такое положение.

А вот Саша подружилась с Марой и стала часто заезжать ко мне, когда та была в гостях. У самой Мары общаться было бы трудно: она жила в поселке у самого МКАДа, причем половину коттеджа занимали родители бывшего мужа, воспитывавшие десятилетнюю Марину дочь (она была лишена родительских прав). А к Саше и Игорю нередко забегали Глеб с Кровью.

Меня немного сместило отношение Саши к Маре. Если я почти с самого начала воспринимал свою новую подругу на равных, то для Сашеньки «большая и страшная сатанистка» сразу стала крупным авторитетом. Как Мара сама призналась мне, ее это даже пугало. По ее словам, она только что начала осознавать, что уже не является такой же беспутной девчонкой, которую можно обругать или милостиво поучить жизни.

Впрочем, Саше повезло. Это как балет: всегда полезно иметь учителя своего пола. Обладая сколь угодно масштабными знаниями, педагог-мужчина все-таки не учитывает важных нюансов женской физиологии (в балете) или психологии (в оккульти). А женщины в нашей среде встречаются не так уж часто... Увы, они гораздо более мужчин подвержены влиянию вульгарного человеческого мировоззрения. Часто женщины кидаются в какие-то светлые и попсовые оккультные сферы, вот там их даже больше, чем мужчин. Что же касается Тьмы... Они хорошо ее чувствуют, но чаще движутся от нее, нежели к ней. А если и движутся к ней – то нередко срываются, ошибаются, сходят с ума, убегают в ужасе или банально гибнут. В том числе и из-за отсутствия хороших учительниц. Мало учительниц – мало учениц... Замкнутый круг.

Глава 13

Однажды мне приснился предельно очевидный сон. Я был маленьким ребенком, но квартира выглядела так, как сейчас. Я растерянно стоял возле алтаря и со страхом взирая на волчий череп. Во сне он воспринимался не как мой родной наработанный череп, а как что-то совершенно чужое и страшное. С одной стороны, я хотел покинуть комнату, сбежать на кухню. С другой стороны, мне казалось, что если я пошевелюсь или оторву взгляд от черепа, то он немедленно обратится в монстра и бросится на меня.

Наконец я решился и опрометью бросился на кухню. Там меня ждала мать. В реальности я почти не помнил ее лица. Фотографии я почти никогда не рассматривал, а когда убирал квартиру после бабушки – просто выбросил их вместе с прочим хламом. Мне тогда даже не пришло в голову сжечь их или еще как-то красиво устранить... Казалось, что проблемы «брошенного ребенка» давно не существует. А может быть, и никогда не существовало.

Однако во сне я отчетливо видел мать такой, какой она была в жизни. Я с радостью кинулся к ней, начал обниматься... Незаметно в ходе этого безобразия я вырос, а мать обратилась в Мару. Она стала отталкивать меня и убеждать, что не любит даже свою родную дочь, я настаивал... Потом все спуталось, и я попал в совершенно другой сон, не связанный с первым и не имеющий особого значения.

Проснувшись среди ночи, я вышел на кухню и закурил, что вообще-то делаю редко. Смысл сна был совершенно, кристально ясен. Эдипов-шмедилов...

Впрочем, это меня не волновало, не пугало и не смущало. Я не склонен отрицать человеческую природу своей психики, а разговоры о «запретном» и «низменном» для меня попросту смешны. Да, скорее всего, мой внутренний ребенок пытается видеть в Маре свою мать. Это нормально и естественно на определенном этапе: искать замену рано утраченных родителей в половых партнерах.

«Нормальный человек», скорее всего, в такой ситуации запаниковал бы и наделал глупостей. Люди вообще склонны считать, что психология существует не для познания, а для «исправления» своей личности. Замечательные прозрения мастеров используются не чтобы понять, учесть и в конечном счете еще больше восхититься устройством этого мира, а чтобы навесить ярлыки и еще глубже уйти в глухую несознанку. «Нет у меня никакого бессознательного, я здоровый человек!» – сообщил мне однажды один незамутненный товарищ. Им кажется, что слова «эго», «суперэго», «тень», «анима», ну или вот «эдипов комплекс» изобретены для обозначения каких-то страшных болезней. Если находишь в себе то, что этими словами поименовано, надо постараться это уничтожить. Иногда, в более мягком варианте, вместо «уничтожения» произносится «перерастание» или «преодоление»... Но суть от этого не меняется.

А я таков, каков я есть, и чем больше я себя познаю – тем больше я себя люблю. Пусть все идет своим чередом, а я буду лишь слегка, ситуативно подправлять штурвал.

Кстати, именно благодаря этому я вряд ли когда-нибудь в истерике зарежу ту же Мару или просто незнакомую женщину на улице. Тот, кто изначально себя принимает, просто не имеет повода для подобных срывов.

Самое интересное, что когда я рассказал Маре про этот сон, она сказала, что в ту ночь ей тоже снилось что-то такое, про секс на моей кухне... Однако не со мной, а с ее первой юношеской любовью...

Что ж, у каждого свой мир внутри головы. И невероятно приятно, когда миры хотя бы ненамного пересекаются.

Глава 14

Я предлагал Маре совсем переехать ко мне, но она упорно продолжала хотя бы пару ночей в неделю проводить в своей несчастной половине коттеджа. Она лепетала что-то насчет того, что «если я перестану там появляться, то бывшие свекры ненавязчиво захватят жилплощадь, затем официально прикроются дочерью и я превращусь в бомжа»... Но мне казалось, что дело в ином. Мара просто очень нервно относилась к своей независимости. Ей нужно было иметь хотя бы пару комнат, где полной хозяйкой являлась она и только она.

Постепенно по мере нашего общения я узнал, что она не с самого начала была «плохой девочкой». Знаете, все эти лощеные brutальные образы имеют свойство рушиться при близком знакомстве. Многим хочется представить дело так, будто бы они уже в раннем детстве рисовали пентаграммы в песочнице, в школе направо и налево проклинали педагогов, в ранней юности нашли Великого Учителя, в общем верной дорогой маршировали в Темное будущее...

Но на поверку такое бывает редко. У Темных тоже есть своя психологическая тень – только она не Темная, как у «нормальных людей», а... нет, не Светлая, конечно. Серенькая.

Вот и Мара когда-то была милой девочкой Маришей, которая отличалась от других детей не иссиня-черными глазами и склонностью к спорадическим проклятиям окружающих, а всего лишь некоторой угловатостью и любовью к книжкам. До восьмого класса она почти ни с кем не общалась и была очень привязана к родителям. Затем стала ходить на рок-концерты и готовиться к поступлению в институт... Затем поступила, но на третьем курсе выскочила замуж по залету. Институт пришлось бросить. Мариша загорелась идеей «жены-домохозяйки», и где-то в течение года исправно играла эту роль.

Но круг ее чтения к тому времени стал настолько специфическим, что мечтать о «правильной человеческой жизни» было уже глупо. Стадия нигредо наступила так же неотвратимо, как закат солнца.

Она долго моталась по околomuзыкальным тусовкам, затем незаметно перешла на ведьмаческие, пробовала сниматься в порнухе (которая в итоге так и осталась лежать в запасниках заштатного режиссера), прошлась и по наркотикам...

Муж, родители, свекры – все пребывали в глубоком шоке. Им казалось, что так играть с общепризнанными представлениями невозможно. Одно дело, когда невесту находят на быдло-хате, от нее можно ожидать подобного срыва. Но девушка, с которой молодой человек познакомился не в самом худшем институте...

Причем все это шло не по прямой линии. Иногда Мариша «одумывалась», слезно просила у всех прощения, надраивала дом... Один раз съездила со свекровью и дочерью в поездку «по

святым местам». Однако именно после этой поездки она окончательно поняла, что предлагаемая схема жизни ее отвращает. После этого буйный неосознанный протест переродился в холодный и рассудочный. А там и стоящий «учитель» нарисовался на горизонте. В этой роли выступил тот самый Гейт, которого я видел на ритуале.

В общем и целом, призналась Мара, она стала собой лет в 25, не раньше. Хотя Гейт уверял, что на самом деле женщины становятся собой лет в 15, а мужчины лет в 20. По его словам, в дальнейшем у многих сохраняется склонность переносить «миг своего рождения» вперед и вперед... В 25 лет тебе кажется, что ты «стал собой» в 20, в 30 ты переносишь эту точку на 25-летие, в 35 – на 30-летие, и так далее. Но все это не более чем иллюзия.

Не знаю, может быть, он и прав. Мне все это еще только предстоит. А может, и не предстоит – секрет-то я уже знаю.

Так вот... Изначально Мара понравилась мне своей «однозначной Темностью». Казалось, это демон, поднявшийся из Ада тысячелетие или минуту назад, никоим образом не связанный со всякой человеческой грязью. Но потом, узнав ее поближе (а первые предпосылки для этого появились, еще когда мы поспорили насчет жидкости для розжига), я отнюдь не разочаровался. Более того, я понял, что она – сложная, многогранная, живая. Такая же, как я. Я одновременно уважал ее за все преодоленные трудности и жалел за раны, полученные в процессе преодоления... И все это складывалось в одну яркую, насыщенную, детализированную картину. Я не видел в ней никаких досадных противоречий. Все было вполне четко и красиво... Да, пожалуй, Гейт был прав. Мара давно являлась очень цельной личностью, просто сама этого не замечала.

Глава 15

В начале весны Саша и Игорь пригласили нас с Марой на ту самую дачу, где нас в прошлом году преследовали сценки из американских ужастиков. По пути, в машине, Игорь рассказал, что осенью пытался почистить помещение, но почти ничего не обнаружил. Он спокойно переночевал, днем прогулялся до кладбища, на следующую ночь провел ритуал... Однако это было похоже на унылую календарную церемонию. Почти никакого отклика «оттуда», лишь те эманации, которые Игорь мог создать сам.

Игорь пришел к выводу, что дело не в даче, а в ком-то, кто тогда присутствовал в компании. И если это не Глеб и не Кровь, то сейчас мы имеем шансы снова столкнуться с тем же самым. Тогда снова можно попробовать провести чистку, только работать придется уже не Игорю, а мне или Саше, в зависимости от того, кто из нас окажется «виноватым».

Саша спросила, почему же, в таком случае, этот «виноватый» в других местах не сталкивался с такими мощными сигналами. Игорь ответил, что причин может быть множество. Место могло как-то особенно подходить астрологически, там могли располагаться какие-то специфические «достопримечательности»... В конце концов, может быть, дело и не в месте, а во времени. Кто-то из нас должен был с чем-то таким столкнуться в те дни – и столкнулся, а то что он в это время был на даче, не имеет никакого значения.

На пороге нас ожидала дохлая птица. Какая-то мелкая лесная, я в них не разбираюсь. Никакой расчлененки и зловещих надписей, просто одичавшая кошка, наверное, задавила... Впервые минуты, занятые разгрузкой багажника, мы даже не подумали ни о чем «таком». Игорь просто походя забросил легкий высохший трупик в кусты.

Но потом, ожидая, когда девушки накроют стол, я задумался... Кошка принесла... Не имеет ли это какой-то связи с той кошкой, череп которой Саша до сих пор всюду таскает с собой (правда, уже не на шее, а в рюкзаке)? Может быть, это было ее посвящение?

Впрочем, озвучивать эту теорию я не стал. Если о таких вещах много болтать, когда они только наклеиваются, – в итоге весь запал уходит в болтовню, мысль застревает в рации, и далее ничего не происходит.

Ночью, когда Саша вышла покурить на веранду, из тех самых кустов, куда Глеб бросил трупик, вылетела большая черная птица, вроде ворона. Вот после этого я решил нарушить обет молчания. Мое рассуждение показалось друзьям логичным, и мы пошарили в кустах, но мертвой птицы не нашли.

А на следующую ночь Саше приснилось, что она утонула, ее похоронили на местном кладбище, и она в виде призрака пошла разгуливать между могилами... И, конечно же, наткнулась на нас: на меня, Игоря, Кровь... и себя. Причем она-прошлая была представлена в виде безобразного гниющего трупа. Девушка испытала жуткое отвращение, и хотела побежать прочь... Но не могла: труп, как магнит, притягивал ее к себе.

Рассказывая этот сон, Саша пребывала в очень дурном настроении. Даже странно было видеть ее столь подавленной, ведь накануне, да и вообще в последние месяцы, она была так весела... Я без обиняков спросил, как поживают ее родители. Тут Саша моментально напялила маску великосветской дамы и холодно заявила, что не знает и знать не хочет.

Однако потом Игорь поведал, что мать регулярно шлет Саше электронные письма. Он пытался убедить ее пометить их как спам, или просто сменить адрес, но она упорно продолжала читать все эти бредни, и иногда даже отвечать... Потом в разговорах с Игорем она высмеивала пассажи матери, но смех нередко переходил в гнев, а гнев – в слезы.

Мать добралась до публикуемых Сашей рассказов про «ужасных зверушек», и теперь скрупулезно разбирала каждый сюжет таким образом, чтобы убедить дочь в неправильности ее жизненного пути. И, похоже, в какой-то степени у нее это получалось. Девушка начинала терзаться сомнениями.

Ибо что значит «неправильность»? Нельзя ведь говорить, что взгляды Сашиних родителей не верны. Нет, это вполне четкая, логичная, профессиональная система, во многом научно обоснованная и проверенная на практике. Наши взгляды – это тоже четкая проверенная система. Вопрос лишь в целях. Взгляды «социализирующих психологов», коими являются Сашины родители, предназначены для превращения человека в полезный обществу и безболезненно функционирующий механизм. Наши взгляды направлены на непрерывный поиск знаний во Тьме и контакты с тем, что расположено за гранью повседневного человеческого восприятия.

Цели эти в чем-то совпадают, но во многом противоречат друг другу. Что касается совпадений – сатанист не стремится перегружать свою жизнь излишними неудобствами в социальной и материальной сфере. Во многих ситуациях бывает полезно прилично выглядеть и хорошо себя чувствовать. Что касается различий – часто для нас важно обрести некое знание или выйти на контакт с некоей силой, не предполагающими заботы о приличиях и самочувствии. Тому, кто не понимает наших целей, внезапный отход в сторону от «красивой и безболезненной» модели кажется ужасным и бессмысленным. Только и всего.

Они не понимают, что ломать свою Темную суть было бы гораздо больнее.

Поэтому бесполезно спорить о взглядах. Фактически Сашина мать говорит о том, как правильно забивать гвозди, а Саша думает о том, как правильно рисовать картины. Мать кричит: «молотком!», а Саша отвечает «кисточкой!». И обе выглядят идиотками друг перед другом. Ибо одной кажется, что ей предлагают забивать гвозди кисточкой, а другой – что ее убеждают рисовать картины молотком.

Разрешить противоречие можно было бы, рассказав матери о наших целях... Но касательно этого у меня были большие сомнения. Дело в том, что подобные люди часто просто-напросто не знают, и знать не хотят о существовании «картин». Они пытаются все впихнуть в свою «молоточную» модель, считая ее единственно верной. Если бы мать могла что-то понять – она поняла бы это уже давно. Все-таки диалог длится уже почти год.

Поэтому самый разумный выход – забить на попытки убеждения, воспринимать мать (и иных подобных людей) как собак или кошек. Вы ведь не пытаетесь философски объяснять своему питомцу, почему он не должен срать в неположенных местах? Вы просто применяете свои знания о его инстинктах, с тем чтобы добиться от него нужного поведения. Так же и с людьми...

Я попытался объяснить все это Саше, но, кажется, она меня не поняла. Что ж... Некоторые знания нельзя передать словами – их приходится выписывать шрамами на собственной шкуре. Пускай выписывает. Ни о какой простой разовой чистке речь пока идти не может.

Глава 16

После смерти православного Гриши мне никак не могли подобрать адекватного напарника. ЧОП присылал кандидатов одного за другим – но их все время что-то не устраивало. Один раз кто-то из медиков привел на испытательный срок родственника, но тот оказался наркоманом, причем совершенно безголовым: уже в третью смену попытался украсть какой-то препарат (на самом деле безобидный, парня кто-то обманул). Его выгнали с позором, хотя ментов вызывать не стали...

Работать стало тяжело, на ночных дежурствах мне почти никогда не удавалось поспать. Даже от книг что-то постоянно отрывало. То обход, то журнал, то драка в палате, то косяк очередного новичка. Честное слово, я уже едва ли не жалел о смерти Григория.

Апрельским утром я вернулся домой после одной из таких смен. Я ожидал, что не застану дома никого, или застану только Мару. Однако меня ожидал сюрприз: все гости, которых я вечером оставил в квартире, были в наличии. Более того, к ним (Маре, Саше и Игорю) прибавился еще один: Глеб! Все они чинно сидели на кухне, курили, слушали рассказ Игоря о его «опыте смерти», и Мара не предпринимала попыток выцарапать глаза давнишнему врагу.

Рассказ Игоря об аварии я уже пару раз слышал. Он ехал на машине, болтал с друзьями, приблизился к повороту на нужную деревню... Повернул, доехал до места, познакомился с родителями своего приятеля, который и был инициатором поездки. Его усадили за пышно накрытый стол, напоили ледяной водкой из графина. Сначала ему было очень хорошо, но потом он почувствовал, что очень хочет спать, и его тут же положили на мягкую-мягкую старомодную перину... Он буквально утонул в ней...

Спустя какое-то время Игорь (впрочем, тогда еще не Игорь) почувствовал, что действительно тонет. Точнее, задыхается во всем этом пухе. Он почувствовал себя лилипутом, клопом, которого запихнули внутрь огромной пыльной бездны; он плыл и плыл вверх, а поверхность все отдалялась, словно пыталась убежать от него...

Но наконец ему каким-то чудом удалось вынырнуть. Он очнулся в больнице. Оказалось, что на повороте случилась авария, и он обрел те самые шрамы, из-за которых его стали сравнивать с пратчеттовским Игорем. Без сознания раненый находился неделю или около того.

Впоследствии выяснилось, что родители приятеля выглядели именно так, какими Игорь их запомнил в бреду. Сначала все подумали, что он успел что-то уловить в бессознательном состоянии: ведь родители примчались на место ДТП раньше «скорой помощи». Однако один факт

все-таки при всем желании нельзя было объяснить. В галлюцинациях Игоря присутствовал еще и дедушка приятеля... Он сидел со всеми за столом, травил байки... Демонстрировал протез и рассказывал, как потерял руку в 16 лет на пилораме. Однако, как выяснилось, дедушка умер за пять лет до этого случая. И приятель ничего не рассказывал Игорю о его руке.

А вот в материальном плане Игорь ничего не угадал. На самом деле родители приятеля проживали не в аутентичной деревенской избе с графинами и перинами, а вполне в современном сборном домике, напичканном современными приборами. Изба там когда-то стояла – но давным-давно, еще при жизни того самого дедушки.

Саша неосторожно сказала, что эта история подошла бы для одного из шоу наподобие тех, в которых участвует Кровь. На кухне повисла гнетущая тишина. Я исподтишка кинул взгляд на Глеба... На Мару...

Пытаясь исправить неловкую ситуацию, Саша, на мой взгляд, сделала ее еще более неловкой. Она заявила, что им с Кровью и Марой надо «устроить девичник», и тогда старые подруги «точно помирятся»!

Я скептически закатил глаза и пошел в комнату спать.

Глава 17

Девичник действительно состоялся. Иногда я думаю, что не должен был этого допустить... Впрочем, задним умом мы все крепки.

Это была суббота. Мара сказала, что они с Сашей и Кровью выпьют немного вина дома у последней, попытаются что-то обговорить, а поздним вечером она приедет ко мне и останется до понедельника. Однако в 23 часа подруга позвонила и восторженным голосом заявила, что все в порядке, они очень хорошо сидят, надо было помириться раньше, и, в общем, она остается ночевать. На заднем плане я слышал смех Крови и Саши... Что ж, может, все и к лучшему, – подумал я тогда. Интересно, куда они подевали Глеба? Встреча явно проходила в строгом формате «между нами, девочками».

Утром в воскресенье я проснулся, подогрел в микроволновке пару бутербродов с сыром и сел за компьютер. Проверил почту, полистал пару юмористических сайтов... Дожевав бутерброды (не могу сочетать чтение новостей с приемом пищи), залез на сайт одного из СМИ. Там меня ожидали броские заголовки: «Участница шоу экстрасенсов зверски зарезана в Москве»; «Предсказательница не смогла предвидеть собственную смерть»; «Телезвезда вела грешную жизнь, заявляет представитель Русской православной церкви»...

Я не стал, словно девочка, дергаться и визжать – «Ах-ах, конечно, это моя знакомая». Этих «телезвезд» в столице как собак нерезанных... То есть резанных... То есть...

ТЬФУ!

Со страницы браузера на меня смотрела Кровь. Старая фотка, еще с другой прической... Или она специально меняет прическу для съемок? Какие-то развалины, простертая ввысь рука... Да, Кровь очень артистична...

ТЬФУ.

То есть – меняла прическу. Была артистичной. Все – в прошедшем времени. Теперь в этом не оставалось сомнений: фотографию трупа журналисты тоже где-то раздобыли.

Я схватил телефон и начал набирать номер Мары. Абонент временно недоступен. Я попытался дозвониться до Саши, а тем временем читал статью... Тело обнаружено в подъезде собственного дома... Четыре ножевых ранения... Кровь. Много крови. Кровь – обратилась в кровь.

Саша так и не взяла трубку. А вот Глеб ответил сразу. Он недовольным голосом заявил, что находится в квартире-студии у коллеги-телевизионщика, они всю ночь монтировали какой-то репортаж, он заснул два часа назад, и вот я его разбудил... Тут я сделал глупость: бросил трубку. Я попросту не мог...

В общем, первым, с кем мне удалось нормально поговорить, был Игорь. Он сказал мне сидеть дома и не дергаться, вообще никому не звонить и не писать, даже Саше и Маре... особенно Саше и Маре. Пообещал перезвонить.

Я подошел к алтарю, уперся руками в черное тканевое покрытие, закрыл глаза и склонил голову. Сердце гулко трепыхалось где-то глубоко в животе. Так я стоял десять или пятнадцать минут, пока не ожил телефон.

Игорь сказал, что, по словам его знакомых, Мара объявлена в розыск, а Сашу допрашивают как свидетеля и скоро должны отпустить. Об этом он лично позаботится, вывернется вон из кожи. И дело даже не в том, что Саша его девушка... Просто – ситуация кристально ясна. Бывшие подруги, давняя вражда... алкоголь...

Не знаю, лично мне именно эта ясность и не нравилась.

Так не бывает. Точнее, чаще всего именно так и бывает, но не с ними. Не с моими друзьями. Не с Марой, черт подери. Они же смеялись! Радовались! Что там могло произойти? «Умри, мерзкая обитательница зомбоящика»? Маре ведь уже не 20 лет. И Крови не 20 – она могла столько порассказать про этот зомбоящик, что любой сторонник контркультуры слушал бы ее речи, как пение соловья... А может быть, Кровь первая начала? Но что ей могло не понравиться в Маре? Та давно не шляется по злачным местам и не употребляет наркотики... Она... Ну не могла же Кровь что-то съехидничать насчет меня? Она же вроде бы хорошо ко мне относится... Относилась...

Глава 18

Вечером воскресенья я вместе с Гейтом приехал домой к Саше и Игорю. Девушка была уже дома. Она нервно расхаживала по комнате, которая за несколько месяцев супружеской жизни еще не успела до конца растерять облик холостяцкой берлоги. Время от времени Саша останавливалась. Рассеянно гладила отрастающий ежик волос (из-за него она была слегка похожа на Мару...). Снова расхаживала.

По словам Саши, посиделки завершились прекрасно. Мара легла спать первой, а Кровь еще около часа пьяно обнимала Сашу и благодарила ее за восстановление дружбы. Она заявила, что «снова чувствует себя той же девочкой», и теперь понимает, что в принципе могла бы пойти тем же путем, что и Мара... На этом пути было бы больше грязи, но меньше лжи... Саша попыталась возразить, что тогда Кровь не встретила бы Глеба, однако та лишь скептически поморщилась. По словам Саши, в этот момент она поняла, что Глеб для Крови – не то же самое, что Игорь для нее.

Кажется, на эту тему Сашенька могла вещать долго, она явно сделала для себя какое-то открытие... Но ее прервал Игорь. Он посчитал нужным сухо отметить, что вообще-то Кровь вовлекла Глеба в сатанизм. До встречи с нею он был простым телевизионщиком, юным и амбициозным, и все его стремления ограничивались шоу-бизнесом. А Кровь была настоящей... Прирожденной...

Мы выпили, не чокаясь.

Саша продолжила свой рассказ. Они с Кровью легли спать одновременно. Сашин сон был черным и глубоким, спокойным и безмятежным. Лишь один раз она услышала какую-то возню в коридоре... Хотя, может быть, ей это просто приснилось. По крайней мере, в тот момент она так и подумала.

Часов в семь или восемь утра Саша проснулась и пошла в туалет. По пути она обнаружила, что металлическая входная дверь открыта нараспашку, и в квартире никого нет. Саша удивилась, но в конце концов пришла к выводу, что подруги, слегка проспавшись, решили продолжать банкет до победного. Выпили оставшиеся в доме запасы, а потом отправились за добавкой, впопыхах забыв даже закрыть дверь.

Телефонные звонки не принесли результата: оба сотовых отозвались из соседней комнаты.

Снова заснуть Саша не смогла. Устав валяться в постели, она оделась, накрутила и совсем уже было собралась уходить, когда ей навстречу по лестнице поднялись полицейские, вызванные соседями. Тело Крови нашли на площадке третьего этажа (а ее квартира располагалась на пятом). На ней была верхняя одежда, то есть она не просто выскочила из постели и помчалась в подъезд, а собиралась куда-то идти... Куда? Зачем? Все это осталось тайной.

После Саши слово взял Гейт. Он с горячностью заявил, что не верит в виновность своей подруги и ученицы. По словам Гейта, он видел Мару во многих ситуациях. Однажды в квартире, где они зависали, кто-то умер от передоза. В другой раз в фирму, где Мара нашла первую в своей жизни «приличную» работу, ворвался ОМОН: оказалось, контора была создана для отмывания денег. И всегда Мара сохраняла трезвую голову, проявляя какую-то природную юридическую хватку.

Гейт не сомневался, что она могла кого-то убить. Но вот чтобы так глупо...

Я пожал плечами. Кто знает, какая там сложилась ситуация. Любого может переклинить. В конце концов... Не Саша же. Ей-то это зачем?

Саша окликнула нас. Она сидела за столом, разложив перед собой Таро. Девушка ухватила одну карту и показала нам: аркан Дьявол. Саша пояснила, что это убийца, и – это кто-то из наших. Наверное, действительно Мара...

Я возразил: не очень-то и похоже. Женские отношения, старые обиды, разрушительные эмоции... Я бы понял, если бы там была Луна. Но Дьявол...

Саша ответила, что Луна в раскладе тоже есть. Но она обозначает не убийцу, а как бы общий фон ситуации. Даже, скорее, причины ситуации. Что же касается Дьявола – наверное, дело в том, что способ был избран кровавый, мужской, огненный. Когда бьешь кого-то ножом, приходится разбудить в себе подобную сущность, даже если ты женщина.

Глава 19

В понедельник мне представили очередного нового напарника. Я был хмурым и невыспавшимся, только что с допроса (меня, как любовника Мары, тоже записали в свидетели). Впрочем, новичка моя неприветливая внешность не смутила. Он познакомился со мною, проявляя полную уверенность в том, что задержится в больнице надолго. Что ж, наверное, так оно и будет: люди с самого начала чувствуют, на свое место пришли или не на свое.

Его звали Роман. В юности он прошел горячие точки, потом попытался приткнуться в органы, быстро понял, что это не его, и пять лет назад осел в ЧОПе... Жена-продавщица, сын-первоклассник, скучнейшая и банальнейшая история...

Лишь к концу смены выяснилось, что Рома является язычником, бывшим скинхедом, и вообще в большой мере нашим человеком. Вот это уже радовало. Хотя что-то в этой жизни меняется к лучшему. Слишком близкие отношения с коллегами – это излишне (начинаешь расслабляться, путать дом и работу, и в конечном счете теряешь контроль над многими делами). Но некоторая близость по духу, не переходящая определенных границ, наоборот благотворно сказывается на рабочем процессе.

После смены я заехал к Юре Французу, купил несколько новых книг, после чего отправился бродить в парк. Я привыкал быть одиноким... В последние пару месяцев мой личный календарь строился вокруг словосочетания «приедет Мара». А теперь она точно не приедет... Интересно, куда она отправилась? В провинцию, за границу, или залегла на дно где-нибудь в Москве? Даже попрощаться не привелось...

Впрочем, это эгоистично с моей стороны: правильнее было бы подумать, каково сейчас Глебу.

И, кстати, интересно, как он теперь будет относиться ко мне. Вряд ли с большой теплотой. Хотя формально я вроде бы ни в чем не виноват...

Если уж на то пошло, виновата Саша, организовавшая эти чертовы посиделки. «Воссоединение старых подруг», надо же! Заманила двух матерых нервных волчиц в одну клетку!

Но Сашу тоже ввел в компанию именно я.

Обычно я стараюсь себя не накручивать, но тут ситуация явно начала выходить из-под моего контроля. Я слишком устал, слишком много событий на меня свалилось.

Я сел на лавочку и сам не заметил, как уснул. Весна в этом году выдалась холодной, и теоретически я вполне мог бы разделить участь своего прежнего напарника... Но мне было уже все равно. Более того, кажется, какой-то частью своего существа я этого хотел. Суицидально обусловленное поведение, так это называется.

Мне приснился сон, в котором я сидел на заснеженной лесной поляне, напоминающей одновременно и ту поляну, на которой мой тотемный волк пожирал мои растерзанные останки, и ту, на которой мы с Марой мутили свой первый совместный ритуал... Долгое время лес вокруг был тих, и ничего не происходило. Напряжение моих нервов постепенно переходило в апатию, затем я снова напрягся, затем опять впадал в прострацию... Это было хуже, чем китайская пытка водой.

Неожиданно из леса вышла бабушка – моя бабушка. Она хохотала и кричала: «Думал, всегда будешь убивать только чужих?». Я, словно маленький мальчик, стал лепетать и оправдываться, но она не слушала. Она кричала какой-то бред о том, что я выпустил на свободу свою мать, которую не надо было выпускать...

Я вздрогнул и проснулся. Точнее, мне показалось, что проснулся. Передо мной стояла бомжиха и внимательно смотрела мне в глаза. Неожиданно я узнал черты лица бабушки... Она заявила, что на самом деле я ее не проклял и не убил, а просто выселил из квартиры, и теперь она живет в парке, бродит тут, бродит, бродит, будет бродить вечно... Я выхватил нож и кинулся на нее. Я терзал ее тело ножом, превращая в фарш, который потом стал жадно поедать, обратившись в волка... Потом я громко закричал: «Хватит!», и проснулся уже по-настоящему. Меня стошнило – к счастью, не сильно, я давно уже забывал поесть.

Спокойствие вернулось ко мне. Я снова видел себя, свою жизнь и конкретную текущую ситуацию как будто бы со стороны, абсолютно спокойно и беспристрастно. Все (в том числе и вышеописанный сон) было стекляшками калейдоскопа, не имевшими самостоятельной ценности,

но способными складываться в красивые абстрактные картины. Не нравится? Встряхнул, вот тебе новая картина.

Забавно, но многие люди путают эти стекляшки с деталями паззла, и всю жизнь пытаются собрать из них что-то, будто бы заранее определенное... Они стремятся угадать, как все «должно быть»... А оно никак не должно. Никто ничего не определял, никто не оставил подсказок. Даже само по себе слово «кто», вся эта субъектность бессмысленна, наивна и смешна, когда ее пытаются применять ко вне-человеческим материям, выходящими за пределы пяти чувств и нескольких десятков инстинктов. Но толпы искренних сумасшедших и подлых мошенников тысячелетиями пытаются внушить людям, что наконец-то нашли нужную картинку-образец... Между приверженцами разных картинок ведутся самые настоящие войны...

Это прозвучало бы удивительно для пятилетнего ребенка, радостно играющегося с тубусом калейдоскопа. Он бы не поверил, если бы ему объяснили, что взрослые дяди и тети занимаются такой ерундой. Но с возрастом люди глупеют, и путеводная нить жизни выскользывает у них из рук.

Грустное зрелище.

Глава 20

Тело Крови выдали Глебу в начале мая. В одном из давних разговоров супруги успели обсудить детали похорон, поэтому мы постарались устроить все именно так, как желала погибшая. Тело было кремировано, а прах развеяли над рекой у нее на родине, в подмосковной деревне. Это незаконно, но за такими вещами никто особенно не следит. Недавно язычники вообще в открытую замутили огненное погребение волхва, это обсуждал весь интернет, все было записано на видео, – и ни у кого никаких проблем не возникло. По крайней мере, насколько мне известно через третьи руки.

Если быть совсем точным, то это была не родина, а место, где Кровь в детстве проводила каникулы. Она рассказывала Глебу, что именно над этой крошечной речкой, где ветви деревьев и желтые кувшинки влюбленно тянулись друг к другу, впервые начала чувствовать себя – собой.

Никакой деревни в этой местности уже не осталось. Мы с трудом нашли речку, выбрали закоулок, более-менее похожий по описанию. Вряд ли это было то самое место, где Кровь любила бывать подростком. Но – хотя бы примерно.

Я был почти уверен, что прах плюхнет из урны некрасивым комом. Реальность – это не фильмы... Но в итоге все получилось именно так, как бывает в фильмах: прах был подхвачен порывом ветра, и медленно осел в реку серым облаком.

Саша плакала, Глеб и Игорь угрюмо молчали. Чуть в стороне притихла подруга Глеба и Крови, модельной внешности девушка, которая почему-то отправилась за город в сапогах на высоченных каблуках и платформе. Сапоги, как и остальное одеяние, были черными, но в целом образ девушки навевал мысли не столько о трауре, сколько о гламуре и садо-мазо.

По дороге к реке девушка вела себя более-менее пристойно, но на обратном пути начала ныть об усталости, грязи, погоде... Кажется, она была уже близка к тому, чтобы начать критиковать саму суть обряда, но тут Глеб резко на нее наорал. Оставшуюся часть пути мы преодолели в молчании.

Дома на алтаре я обнаружил записку от Мары. Ничего удивительного в этом не было – у нее были ключи от моей квартиры. После прочтения я сжег бумагу, однако текст запомнил почти наизусть, и могу привести его целиком:

«Эфон, я знаю, ты не поверишь мне, но я никого не убивала. Мне никто не поверит, поэтому я и скрываюсь. Но мы помирились, у нас все было хорошо. Ночью Крови кто-то позвонил, она собралась и ушла, ничего не объясняя... Я пила на кухне сок, когда услышала крик из подъезда. Надо было выбежать и помочь, но я сначала не подумала, что это Кровь... Она ушла уже довольно давно, а крик был как будто бы не ее. Дикий, нечеловеческий. Я подумала – кто-то подрался, подростки, бомжи, гопники... Но потом все-таки оделась и спустилась на пару этажей. Я увидела тело и поняла, что все подумают на меня. Можно посмотреть в ее мобильнике, кто ей звонил (увы, самой мне не пришло в голову это сделать). Но этот человек скажет, что это был просто разговор, ведь нельзя доказать, что он ее звал куда-то. Эфон, мне никто не поверит. Но может быть, ты поверишь? Я ее любила, мне жаль, что мы столько лет упустили зря. Эфон, ты не представляешь, что значит обрести лучшую подругу после стольких лет разлуки – и снова потерять, теперь уже навсегда... Я потеряла ее, тебя... всех. Прости меня, хотя за мной нет никакой вины».

Я был очень расстроен тем, что Мара не застала меня дома. Конечно, зря она вообще это сделала, ведь теоретически за моей квартирой могли следить... К счастью, мы живем не в детективном романе. Никто не сподобился выделить группу молчаливых неприметных парней для слежки за каждым местом, которое может посетить подозреваемая в убийстве второсортной телевизионной ясновидящей. Но все-таки... Опасно.

Но если уж она пришла, мог ведь я хотя бы обнять ее?! Обидно, черт подери.

Я сел за компьютер и начал рассеянно листать новостные сайты. О, сколько интересного понаписали о Крови и Маре за эти пару недель... «Экстрасенс убита в ходе лесбийской разборки», «Ясновидящая предчувствовала свою смерть» (какое-то мелкое интервью трехлетней давности прилагается), «Телезвезду наказали за торговлю наркотиками»... Из последней статьи следовало, что дочь Мары (которая волей автора превратилась из десятилетней в шестнадцатилетнюю) хотела участвовать в шоу, однако вместо этого коварная Кровь подсадила ее разом на героин, кокаин, кислоту и крокодил. А несчастная мать, соответственно, решила отомстить злодейке.

О, а вот кое-что поинтереснее! «Московская ясновидящая погибла в ходе сатанинского обряда». Оказывается, Кровь собралась с подругами на небольшой шабаш, в ходе которого добровольно давала им пить свою кровь (выяснили-таки кликуху, молодцы), однако малость переборщила и умерла. По другой версии, одна из подруг-вампириш потеряла над собой контроль и решила выдоить тело до конца, невзирая на отчаянное сопротивление «донора»...

Смех смехом, но «вампириш» история получила определенное распространение и в сатанинских кругах. Впоследствии мне несколько раз приходилось слышать от умных, казалось бы, товарищей – «О, ты был знаком с теми самыми... Которые бредовый ритуал изобрели и аж до газет докатились? Ха-ха». Приходилось резко одергивать. А с одним парнем, который подробно и язвительно проанализировал этот самый ритуал в блоге, я в итоге даже прекратил общаться. Я так и не смог убедить его в том, что поговорка «слышу звон, да не знаю, где он» звучит не в пример мудрее пословицы «дыма без огня не бывает».

Глава 21

Кстати, любопытно, а родители Саши в курсе причастности дочери к этой жуткой медийной истории? Они ведь так любят СМИ, сами в свое время заказывали статейку...

На ближайшей встрече я задал этот вопрос. Саша сказала, что родители, кажется, в курсе, однако это не так важно. Поучаствовав в написании статьи о «сатанинской секте», в которую якобы заманили дочь, они поняли, чего стоят подобные сплетни.

Сашу волновало другое... Она по-прежнему продолжала переписываться с матерью. И та по-прежнему пыталась склонить ее к «пониманию и сотрудничеству». Дочь же не оставляла надежды раскрыть перед родителями все глубины своей мрачной сущности... Дошло до того, что Саша уговорила Игоря вместе с нею заявиться к родителям в гости. А чтобы это не выглядело как совсем классическое «знакомство с семьей», на мероприятие пригласили меня. Ну, раз уж я сам вспомнил о Сашиной семейной ситуации – можно сказать, назвался груздем.

Безусловно, я с самого начала относился к этой идее скептически, однако перед Сашиным напором трудно было устоять. Я не совсем понимал, чего она хочет. Ну да ладно... В конце концов, иногда ужин – это просто ужин.

Квартира психологов блистала евроремонтом и феншуйем. В облике хозяев не было абсолютно ничего «домашнего»: они словно пришли в ресторан. Даже обувь на них была «пристойной», никаких домашних тапочек. И, безусловно, на столе мы не увидели никаких переполненных нажористым месивом салатниц, истекающих маслом бутербродов с красной икрой, пережаренных пирожков и батарей разномастных бутылок. Только вино, красиво разложенные овощи и мясо на современных тарелках.

Сашенька, в свою очередь, нарядилась со всей возможной «готичностью»: черная кожа, стрелки на глазах, не сочетающиеся между собой амулеты (видимо, все, что имелось в наличии). Ногти девушки были покрыты черным лаком, а во взгляде зияла бездна презрения.

Если бы это был театр, то я бы непременно заплодировал: костюмы героев комедии были выше всяких похвал.

Боюсь, что мы с Игорем крайне разочаровали нашу экзальтированную подружку. Я мило побеседовал с матерью Саши об Эрике Берне, а с отцом – о современном состоянии армии. Игорь вежливо повспоминал советские времена и посетовал на качество современного школьного обучения. Затем Игорь рассказал, как получил шрамы, но при этом отнюдь не напирал на мистический оттенок событий. Речь шла в основном об особенностях вождения машины и о недостатках системы здравоохранения.

Чуть позже, когда все более-менее расслабились, каким-то образом вскрылась информация о том, что Игорь – не паспортное имя. Отец Саши, как оказалось, любил Терри Пратчетта, и оценил юмор прозвища. Мать же заявила, что «понимает психологический механизм», однако Игорю «все-таки следует ходить на групповые занятия». Игорь вежливо отказался, но развивать эту тему не стал. Мать заявила, что «не считает себя вправе настаивать».

Вечером мы расстались, вполне довольные друг другом. Кажется, Сашина мать пришла к выводу, что «взрослый и рассудительный» Игорь пасет ее доченьку не хуже, чем она сама. Мать была очень обрадована тем, что Саша вот-вот подаст документы на филфак, и оценивала это как «возвращение к нормальной жизни»...

Зима наконец-то отступила, майский вечер полностью оправдывал свое название: листья, птицы, запахи... Мы решили чуть-чуть прогуляться и выпить по бутылке пива: все-таки после столь напряженной маскировки нужно хоть немного встряхнуться.

Тут-то Саша и высказала нам все, что думала. По ее мнению, мы едва ли не предали ее, закосив под «нормальных». В ответ мы предложили представить любой другой вариант – со всеми подробностями и последствиями. Саша попыталась пофантазировать на эту тему... Но в итоге признала, что любая иная модель поведения заставила бы нас выглядеть глупо.

В конце концов нам удалось убедить Сашу в том, что ее родители – такие же люди, как и все остальные, и взаимодействовать с ними надо по той же схеме. Агрессивно манифестировать

перед ними все подробности своей жизни и мировосприятия – все равно что приветствовать словами Ave Satanas продавщицу в магазине. Глупо. Бесплезно. Не нужно. В какой-то степени даже недостойно.

В детстве каждый ребенок считает родителей богами – полновластными и непогрешимыми. В юности мы резко отказываем родителям во всевластии, однако зачастую забываем отправить в мусорный бак и непогрешимость. Мы уже не готовы подчиняться родителям – но все еще требуем, чтобы они были идеальными, причем именно в нашем представлении... А это попросту нечестно. Теперь ты взрослый, бэби. И это – посторонние тебе люди, ничем не обязанные тебе точно так же, как ты не обязан им. Хочешь, чтобы они сохранили свои обязательства? Сохраняй свои – спрашивай мнение, реализуй ожидания, выдавай на-гора весь патриархальный набор... Ты ведь на это не пойдешь, не так ли?

Скандинавская руна Гебо недаром означает одновременно «дар» и «привязанность». Хочешь получать дары – в нагрузку обретаешь привязку. Одно без другого невозможно.

Вечер кончился бы совсем хорошо, если бы в самом конце я не рассказал Саше и Игорю о Мариной записке. Не то чтобы в этом было что-то экстраординарное – но друзья сразу вспомнили о произошедшем и нахмурились... Особенно Игорь. На мой взгляд, женщины вообще легче переживают подобные вещи. В первые дни они активно выплескивают свое горе, но затем будто выгорают – и вот уже все обратилось в сухую историю. А мужчины могут подолгу таить в своей груди гноящуюся рану.

Или дело не в половых различиях? В конце концов, Игорь знал Кровь и Глеба гораздо дольше и лучше, нежели я и Саша... И кто знает, может быть, для него эта история является гораздо более сложной и эмоционально нагруженной, нежели мы можем себе представить.

Глава 22

Мару задержали в конце мая. Я узнал об этом от Саши, а потом уже почитал новости. Оказывается, она не выезжала из Москвы. Жила у какой-то старой подруги... Которая ее, собственно, и сдала: за информацию о местонахождении подозреваемой было объявлено вознаграждение. Не дружите с алкоголиками.

Я смог найти для Мары хорошего адвоката, специализирующегося именно на убийствах «среднего звена». Кстати, выйти на него удалось через моего нового напарника Рому, у которого остались какие-то скиновские связи. Не пришлось даже скидываться с друзьями на гонорар: оказывается, у Мары были определенные сбережения.

Я не смог добиться свидания: мы ведь не состояли в браке, а особенно активно светиться и копошиться мне отсоветовал адвокат. Мы пообщались лишь с помощью нескольких записок, в которых избегали говорить о действительно важных вещах... Сплошные признания в любви, милые шутки и приятные воспоминания. Ни слова об убийстве. Мне сказали, что так положено.

И все же я затеял едва ли не «собственное расследование», пытаюсь выяснить, кто звонил (или мог звонить) Крови в ту ночь. Я стопроцентно поверил в версию Мары: в конце концов, зачем ей было мне врать? Я не следователь и не могу влиять на ход дела. Я не «добрый христианин», и не отвернулся бы от Мары, даже если бы она была виновата. Она это прекрасно знала.

Но откуда я мог получить информацию? Саша ничего не помнила, Мара (даже если бы мне удалось с ней нормально поговорить), похоже, тоже. Попытаться покопаться в биографии Крови, установить круг ее врагов? В этот круг вполне может попасть пол-Москвы: ни телевизионная, ни сатанинская среда не отличаются доброжелательной атмосферой.

Я совсем было решился рассказать следователю о Мариной записке, и уговорить его посмотреть архив вызовов на телефоне погибшей... Но адвокат жестко запретил мне это делать. Он сказал, что я ломаю его линию защиты, и что следователь в любом случае не заинтересован ни в моем, ни в Марином спокойствии и благополучии.

Линия защиты меня, прямо скажу, не восторгала. Признание вины, сотрудничество со следствием, аффект, самозащита... Липовые «положительные характеристики по месту жительства» (представляю, как бы охарактеризовали Мару свекры, если бы к ним действительно кто-то обратился). Взятки в соцзащите, обеспечившие «случайную» пропажу дела о лишении родительских прав. Еще какие-то взятки, мелкие, но многочисленные...

В общем, все шло к тому, чтобы как можно сильнее уменьшить срок – а об оправдательном приговоре речь не заходила. Адвокат утверждал, что с нашей судебной системой очень редко имеет смысл этого добиваться. И это явно не тот случай: слишком уж удобно все складывается, никто не будет переделывать громадную работу ради спасения нескольких лет жизни какой-то там Мары.

Но я не мог просто сидеть и молчать. Поразмыслив, я решил все-таки заняться поиском врагов Крови. Вдруг что-нибудь да всплывет? В первую очередь я хотел поговорить с Глебом, однако выяснилось, что он уехал на море. Отдохнуть, восстановить нервы... Ладно, это можно было понять. В конце концов, все мы воспринимаем горе по-разному: кто-то мечется, как я, а кто-то впадает в апатию... Наверное... Так или иначе, но серьезный разговор о врагах явно откладывался: нельзя задавать такие вопросы удаленно, ни через интернет, ни по телефону.

Поразмыслив, кто еще может дать мне нужную информацию, я обратился к Игорю, и вот тут меня ждал сюрприз.

Сначала друг просто резко порекомендовал мне «заканчивать с этой самодеятельностью». А когда до него дошло, что я не отступлюсь, он приехал ко мне домой и едва ли не с порога заявил, что Кровь убил Глеб.

Глава 23

Оказывается, та девушка, которую мы видели на развеивании праха, не была подругой Глеба и Крови. Она была их совместной любовницей. Вот уже три или четыре года длились легкие и приятные отношения... Девушку подцепили на шоу: она была ассистентом режиссера. Она интересовалась «мрачной» тематикой, однако не являлась ни сатанисткой, ни приверженкой какого-либо еще оккультно-философского течения. Скорее, ее просто сексуально заводил весь этот антураж.

Однако год назад девушка, что называется, «нагулялась». Она заявила, что хочет «нормальную семью и детей», и в качестве отца семейства не может представить никого, кроме Глеба. Взамен она пообещала обеспечить ему карьерный рост – у нее имелись кое-какие рычаги. Но, пожалуй, это было не главное. Девушка была ловким манипулятором, она буквально топила Глеба в море любви и ласки. Его фотография на рабочем столе ноутбука, татуировка с ловко запрятанными в структуру рисунка инициалами возлюбленного, многочисленные милые подарки (в том числе сделанные своими руками), щенячья радость в моменты встреч и вселенская скорбь в моменты расставаний...

С Кровью такого не было, не только в последние годы, но и с самого начала. Она была умной женщиной и была больше сосредоточена на общности жизненного пути, нежели на личности партнера. А весь жизненный путь Ланы (так ее звали) упирался в Глеба...

Невооруженным глазом было видно, чем это кончится через несколько лет. Что будет, когда матка наконец-то разрешится вожделенным комком плоти, на который в итоге и перенесется вектор Ланиных устремлений. «Отец семейства» после этого станет восприниматься либо как кошелек на ножках, либо просто как отработанный материал... И я даже не знаю, какой из этих вариантов назвать «лучшим», а какой «худшим».

Но Глеб не желал ни о чем думать. Его несло. Видимо, дело было не только в девушке: внутри его личности запустились какие-то очень нехорошие механизмы.

Однако расстаться с Кровью было не так-то просто. Она тоже имела кое-какие рычаги, и могла повлиять на карьеру Глеба способом, прямо противоположным тому, который предлагала Лана. Причем, скорее всего, ее влияние перевесило бы: она была умнее и опытнее любовницы.

Кровь не была ревнивой в общепризнанном смысле, она легко относилась к сексуальным «изменам» (и радостно в них участвовала). Скорее всего, даже уход Глеба к другой сатанистке Кровь восприняла бы спокойно. Ведь перед ней тогда тоже открылась бы возможность в какой-то степени начать жизнь заново. Такие вещи ее только вдохновляли. Но «нормальная жизнь» и «приличная семья»... Это было бы предательством всего того, что Кровь много лет лелеяла в Глебе. Этого она бы не простила и не стерпела.

Поэтому, когда на горизонте появилась ненавидевшая Кровь Мара, в голове Глеба моментально созрел план. Он горячо поддержал идею «примиряющего девичника», договорился с приятелем об обеспечении алиби... А среди ночи вызвал Кровь «по очень срочному и тайному делу», подстерег в подъезде и хладнокровно зарезал.

А вот его дальнейшие действия трудно назвать хладнокровными. Посчитав, что дело сделано, и теперь можно расслабиться, Глеб напился в компании Игоря и все выложил, как на духу. Он ожидал, что Игорь поймет его «как мужик и как старый друг».

Игорь сделал вид, что понял.

Теперь Глеб и Лана нежатся на морском побережье, пепел Крови оседает на дно подмосковной речки, а Мара парится на нарах.

Честное слово, я думал, что лопну от злости. Но Игорь попросил меня дать ему месяц срока. Он заявил, что попытается все уладить, а если через месяц я останусь недовольным – то могу делать все, что сочту нужным. Поразмыслив, я согласился. Даже без учета планов Игоря – действовать лучше на холодную голову.

Глава 24

В последующие недели я просто работал и учился, гулял по парку и смотрел кино... Внезапно выяснилось, что я не знаком со множеством замечательных фильмов и сериалов.

Мне никого не хотелось видеть, ничего не хотелось вспоминать.

Как ни странно, но дела с учебой именно в этот период начали складываться особенно хорошо. Я читал больше, чем требовалось по программе, и, кажется, понимал больше, чем было запланировано составителями программы. Одно время я даже всерьез помышлял о том, чтобы после получения диплома заняться академической наукой, но потом понял, что вряд ли смогу уложиться в требуемые рамки. Мои статьи будут признавать экстремистскими еще до выхода из печати – а все из-за невинного, казалось бы, стремления видеть в людях правду.

В итоге я принял решение пойти психологом в МЧС. Может быть, даже до окончания обучения, курсе на третьем... Надо будет поинтересоваться формальностями.

Не могу же я давать консультации людям, которых волнуют неурядицы семейной жизни или отношения с выросшими детьми. Точнее, консультировать я могу, но вряд ли кто-то скажет мне спасибо за советы. Я ведь буду рушить, а не сохранять статус-кво; сдергивать завесы, а не штопать их и украшать затейливой вышивкой... Не исключено, что некоторых особо затейливо двинутых клиентов после особо безрезультатных консультаций я буду попросту физически убивать. Шутка.

А вот там, где бурлит кровь и снимает жатву смерть, людям требуется совсем иное. Они ненадолго забывают обо всей ерунде, которая беспокоит их повседневно, и проявляют готовность увидеть жизнь во всей ее красоте и сложности. Это я могу им дать. Пусть даже потом большинство из них вернется к ерунде. Ведь им на смену придут новые люди: катастрофы в этом, казалось бы, спокойном и скучном мире случаются с завидной регулярностью. Маленькие и незаметные, крупные и ужасающие... Неважно: для людей, которых затронула катастрофа, подобное масштабирование не имеет значения.

Так было принято одно из самых важных решений в моей жизни – можно сказать, походя, когда я был перегружен и загнан совсем иными проблемами.

В середине июня адвокат передал мне очередную записку от Мары. Ее я сохранил, поэтому могу привести текст целиком, как есть, не по памяти:

«Привет, Эфон. Все складывается хорошо. У меня был Игорь. Чуть-чуть отсидеть придется – однако, умоляю тебя, не волнуйся. Это интереснейший материал для исследования, когда-нибудь я напишу об этом книгу. Может, мы вместе напишем: ты же у нас психолог. Люди, запертые в клетки и отгороженные от привычного быта, перешедшие границу преступления или жестоко подставленные, вынужденные приспособляться к взаимодействию с незнакомцами и выстраивать едва ли не первобытную иерархию... Меня тут все любят: я умею находить нужный тон.

Эфон, это ненадолго... но ни в коем случае не жди меня. Иди дальше своим путем, найди себе девочку, не думай обо мне. Надеюсь, мы когда-нибудь встретимся, но пусть это будет встреча двух старых волков (которые при желании могут и переспать), а не романтические сопли воссоединения влюбленных. Может быть, ты не заметил, но ты многое мне дал. Наверное, я тоже что-то тебе дала. Но все в этом мире имеет конец, и в нашем случае обстоятельства явно свидетельствуют о его наступлении. Бессмысленно переть против реальности. Мы не успели построить ничего такого, что следовало бы хранить. Может быть, и не могли построить. Давай смотреть на вещи трезво и не обманывать себя – Игорь рассказал тебе, к чему приводит обман и недоговорки. Ave!».

Я никогда не страдал избытком сентиментальности, но эту записку я поцеловал. Вот это я называю настоящей близостью и откровением...

Конечно, я не бросился мигом «искать себе девочку». Пока я не испытывал такого желания. Но если оно появится – что ж, жизнь должна продолжаться. И Мара в любом случае будет одним из самых дорогих моих воспоминаний. Впрочем, к чему я говорю о ней, как о мертвой? Она – мой друг, и когда-нибудь мы действительно снова встретимся.

Через несколько дней после получения записки я узнал, что в жизни Мары произошел новый поворот. Они с Гейтом зарегистрировали брак. Он утверждал, что это просто для облегчения свиданий, но в глазах его я видел что-то другое... Ну да ладно: в конце концов, для женщины лучше создать семью с учителем, нежели с учеником. А я еще встречу свою ученицу.

Глава 25

В конце июня Мару приговорили к шести годам, что с большой вероятностью означало выход по УДО через четыре года. Суд проходил в особом порядке, без рассмотрения доказательств, поэтому меня не вызывали свидетельствовать. Насколько я понял, адвокату удалось представить дело таким образом, будто бы Кровь сама набросилась на Мару с ножом... Газетные сплетни о «Крови-наркоторговке» тоже пригодились, адвокат умело извлек из них все то, что выставляло обвиняемую в лучшем виде.

Только не надо искать в этом что-то специфически «сатанинское». Напротив, это как раз вполне обычная человеческая лживость: так делается всегда, правды в этом мире никто не ищет. Приходится «в чужой берлоге действовать по ее правилам», как завещал дедушка ЛаВей.

Глеб и Лана, возвращаясь с отдыха, погибли в автокатастрофе. Я даже не стал выяснять, какие свои способности задействовал Игорь – оккультные или социальные... А может быть, Игорь и ни при чем, и это своего рода «сатанинская справедливость»? В конце концов, мы тут не шутки шутим, и то, что Глеб фактически подготовился к отречению, вполне могло всколыхнуть глубины Тьмы совершенно определенным образом.

Тут к месту будет вспомнить тут тварь, которая бросилась на Глеба еще тогда, когда мы отдыхали на даче... Жаль, что ему под руку попало ружье. Очень жаль. Видимо, Тьма уже тогда что-то чувствовала.

Мы с Сашей, Черносветом и Мертвославом соорудили неподалеку от Кровиной речки небольшое капище. Во время дебютного ритуала нам всем разом привиделось, что река вышла из берегов, бурля... кровью, естественно, чем еще она могла бурлить? Река затопила нас всех, даруя такую энергию, какую мало когда доводится почувствовать. Саша рыдала, лежа на земле – но это были слезы восторга... То есть не восторга... Но и не печали... В общем, это было просто чистое рафинированное чувство за пределами минутных оценок, позитивных или негативных. Жалко, Игорь был слишком занят, чтобы поехать с нами. В следующий раз обязательно соберемся в полном составе.

Именно после возвращения с капища я решил записать все это. Может быть, получилось немного сумбурно и слишком откровенно... Но кто знает, буду ли я жив завтра, через неделю, через год... Доживу ли я до того момента, когда смогу написать что-то более мудрое и профессиональное? Смерть Крови заставила меня задуматься о подобных вещах.

Более того – если я все-таки стану старым, мудрым и литературно одаренным, будет ли меня волновать все вышеописанное? Сочту ли я нужным тратить на это время? Вряд ли. Скорее всего, когда Мара выйдет из колонии, мы действительно что-нибудь напишем, соединив ее жизненный опыт и мои психологические познания (которые я к тому времени надеюсь усовершенствовать). Но это будет уже совсем иное произведение. И я буду иным... А сейчас мне хочется отразить себя именно таким, какой я есть в данный момент.

Куй железо, пока горячо!

Сейчас, когда я дописываю последние строки этой повести, за окном бушует гроза. Ливень стоит стеной, молнии разрывают небо на части, гром сводит с ума автомобильные сигнализации – наверное, в прежние времена он так же сводил с ума собак. Но современных собак такими вещами уже не удивишь – они и не такого насмотрелись в мегаполисе...

Ни одна шавка не тьякнет в бетонных закоулках, лишь в компьютерных колонках тихо воеет волк. Это тот самый эмбиент, который когда-то разбудил меня после сна-инициации. И опять же, я не включал его. Он постоянно включается самостоятельно. Я даже не знаю – это файлы,

затерявшиеся в глубинах папки «музыка», или онлайн-воспроизведение из браузера... В общем, вирус какой-то.

И стоит ли докапываться, где именно засел этот вирус: в системе моего компьютера или в некоей более глобальной системе? Той, внешние проявления которой люди привыкли напыщенно называть «объективной реальностью»?

Неважно! Главное – музыка мне по нраву.